

Самое главное – осознать себя грешным

Батюшка – духовник с большим стажем, так что все наши грехи и проблемы знает наперечет и даже заранее... А когда удивляются его прозорливости, он отшучивается: «Поисповедуй 30 лет – ста-

нешь “прозорливым”. Это опыт*. Вопросы, с кем беседовать на тему номера, не было, – конечно же, с отцом Валерианом Кречетовым, настоятелем храма Покрова Пресвятой Богородицы, что в подмосковном Акулове!

Вопросы, которые хотелось затронуть в беседе:

- Исповедуешься... А ничего в тебе вроде не меняется. Как тут быть?
- Как понять, что у тебя есть покаянное чувство?
- Не приведет ли постоянное покаянное чувство к самоуничтожению, которое, как известно, паче гордости? Не подавит ли оно волю человека к духовной работе над собой?
- Господь все равно всех помилует. Так стоит ли волноваться по поводу своих грехов?

Фото В. Монастырёва

Были подготовлены вопросы. С трудом, но все же удалось связаться с батюшкой и договориться о беседе. Однако встретиться, по ряду причин, не случилось, а ждать было некогда. И тогда неожиданно пришло решение. Собственно, его подсказали слова из приведенной выше цитаты: «...все наши грехи и проблемы знает наперечет и даже заранее». Значит, и на наши, заранее подготовленные, вопросы (а их, поверьте, мы действительно готовили заранее, а не подгоняли задним числом) мы сможем найти нужные ответы в проповедях отца Валериана, в его беседах, размышлениях, интервью.

ТО, ЧТО У НАС называют «покаялся», – это не совсем то, потому что часто путают две вещи: считают, что покаяние – это когда человек пошел и исповедал свой грех. Но исповедь греха – это только часть покаяния. Первый шаг – это осознание своей греховности. Следующий – когда человек исповедал грех. И это тоже лишь ступень к стяжанию покаянного чувства.

Сущность человеческая в своем стремлении должна быть беспредельной, потому что человек должен уподобляться Богу, а уподобление Богу – бесконечное, это постоянное стремление к Богу. Никогда нельзя будет сказать: «Я достиг». Как я понимаю, здесь речь идет о стяжании Духа Святаго. Но состояние даже святых, находящихся уже

в Духе Святом, тоже меняется: они все больше возвышаются в духовном смысле.

Часто спрашивают: что делать, если страсть уже проявилась, исповедуешь ее, а ничего в тебе не меняется? Такое состояние бывает. Но это не совсем так, что «ничего не меняется». Когда духовника афонского монастыря Филофей отца Луку спросили: «Как же так: мы причащаемся, а потом опять грешим, даже больше?! – он ответил: «Значит, боль сердечная еще не пересилила грех!»

КАК ПОНЯТЬ, есть ли у тебя покаянное чувство? Каковы признаки этого? Присутствие покаянного чувства – это, во-первых, смирение и терпение. Это когда люди больше замечают себя, а не других, и с этим все связано. Во-вторых, это безропотное восприятие всего, что с тобой в жизни происходит.

Надо принимать с благодарностью все, что Господь посылает в жизни. Во всяком происшествии стараться чувствовать себя грешным. Потому что в любом инциденте есть доля нашей вины. А главное – нужно молиться и просить помощи Божией. Мы исповедуем, что без Спасителя мы не спасемся. Самому можно и нужно трудиться, но сам не очистишься. Преподобный Иоанн Лествичник говорит, что настолько скользкое наше душевное состояние, что как ни крути, – все равно один рог вверх торчит.

– Стыдно повторять грехи. Хочется искать разных батюшек, и тогда можно исповедоваться, как будто в первый раз. Или заставлять себя преодолевать стыд и исповедоваться как раз у одного и того же священника. Какой путь спасительней?

– Грехи наследственные и грехи злоприобретенные. Со вторыми понятно: просто нужно стараться их не совершать. А как быть с первыми, «доставшимися по наследству»? Можно ли с ними бороться?

Самое главное – это осознать себя грешным. А мы, глядя по сторонам, на тех, с кем мы живем, начинаем сравнивать – смотрим, кто как поступает. Не с людьми нужно себя сравнивать – нужно сравнивать себя с Законом Божиим. Вся беда в том, что многие не знают заповедей или забывают о них. Но в человеке есть совесть, которая подсказывает ему, в чем он виноват.

НЕОБХОДИМО помнить, что покаянное чувство – это сознание своей греховности, но без зримых образов. Потому что зримые образы душу пачкают. Жизнь – это только добродетель. Если человек живет в любви – он живет, если в злобе – он умирает. Поэтому нужно стараться забывать, как грех происходит, отбрасывать подробности, это все должно уйти в небытие. Но каяться в этом нужно, и сразу забыть и отбросить как уже несуществующее. Это момент очень важный, потому что часто человек свое греховное состояние вспоминает, и оно в нем бережит все опять. От этого он получает не пользу, а некое отягощение и, таким образом, в настоящей, сегодняшней жизни многое упускает. Нужно сейчас трудиться, а то, что уже прошло, нужно, покаявшись, отбросить и забыть.

Поэтому нужно просто: «Грешен, прости, Господи, грешен», – и всё. У Бога не переплатишь, нет-нет. Мы все время только недоплачиваем. Потому что мы даже и, по милости Божией, неизвестно, дойдем ли до покаянного состояния разбойника, который сказал: «Достойное по делам нашим приняли» (Лк. 23, 41). Мы еще не дошли даже до понимания, что «не по беззакониям нашим сотворил

* Цитата взята из предисловия к книге протоиерея Валериана Кречетова «О самом важном», выпущенной издательством «Даниловский благовестник» Свято-Данилова монастыря (М., 2010).

есть нам, ниже по грехом нашим воздал есть нам» (Пс. 102, 10).

Все это относится к тому же самому покаянию. Значит, нужно постоянно чувствовать себя грешным? Да. В чем? В разной степени во всем. Некоторые говорят: «Я во всем грешен». В общем-то, примерно так и есть. Но сказать-то можно, но тогда и чувствуй так, а то сказать-то мы скажем, а чувствовать мы так не чувствуем.

Ну, грешен – так и есть грешен, так что же тогда переживать, что плохо о тебе говорят? Больше того, святые отцы как учат нас сносить наговоры, если считаешь себя грешным? Одному из них говорят: «Ты знаешь, что про тебя говорят-то?» – и он даже не спрашивает, что говорят, а сразу: «Это еще хорошо, что про меня говорят, если бы они знали, какой я на самом деле, – так это еще страшнее». Вот какое это устройство – оно радостное и даже светлое. Нужно стараться стяжать такое устройство – сознание своей греховности и милости Божией.

КОГДА душа одного человека вышла из тела, а потом возвратилась, он рассказал, что когда бесы стали ему грехи напоминать, то напомнили, что он отрекся от Бога. «Когда это было?» – А оказалось, что просто как-то сидели и болтали языком, и его спросили: «Как ты думаешь, наверное, ничего там нет?» А он, может, чтобы от него отвязались, как бывает в компании, сказал: «Ну, конечно, кто его знает...». Поддакнул – всё, отрекся от Бога. С мелочи все начинается. Отец Иоанн (Крестьянкин) хорошо говорит о малом добродетели. Он говорит, что надо стараться хотя бы в мелочах не согрешить.

Сейчас часто говорят: «Зачем поститься? Главное не еда, а духовное». Все они правильно говорят, что главное духовное, я на сто процентов с ними согласен. Но мы такие грешные, – не знаю, как вы, я очень грешный, – мне бы хоть пост соблюдать, а уж о духовном – где уж там, это не наша мера. Если Господь поможет, конечно, может, что-нибудь и сделаем, но хотя бы пост выдерживать. Хотя бы не переедать, хотя бы не съестъ того, что по уставу не полагается. Это же не так сложно! Поэтому именно с этого нужно начинать, с немножого. Об этом Господь и говорит: кто хоть чашей холодной воды напоит, мзду получает. Блаженной Феодоре, когда мытарства проходила, все было засчитано, даже то, что когда-то лампадочку поправила, зачлось ей.

Нужно свою душу перестраивать на евангельский строй. Нужно каяться в грехах, которые мы совершаем, потому что мы часто в житейской карусели, в суете

начинаем терять ориентацию: где правое, где левое. И в результате получается, что вроде принципиальные споры – а не из-за чего, из-за пустого. Народ об этом говорит: «Дело выеденного яйца не стоит». Потому что смысл всех вещей, которые в мире происходят, – духовный. Потому что Господь старается, чтобы человек приобрел что-то хорошее, что-то сделал доброе для души, а диавол, наоборот, старается, чтобы человек хоть в чем-то согрешил, хоть в мелком.

КОГДА человек начинает воцерковляться, он сначала ничего не понимает и только потом, постепенно начинает что-то понимать. Очень часто я слышу: «Я чувствую, что стал хуже». Дело в том, что человек раньше не чувствовал, а теперь начинает понемногу чувствовать свою греховность, видеть ее. То есть ходишь, исповедуешь свои грехи – и опять, и опять грешишь. Но потом все же чувствуешь, что становится стыдно одно и то же одному батюшке говорить. Начинаешь по другим батюшкам бегать – это признак того, что тебе уже не все равно, хотя так, конечно, делать не надо.

Исповедоваться желательно у одного священника, это не значит, что нельзя у других. Есть три вещи, которые часто в жизни бывают и которые мы, не задумываясь над этим, смешиваем, ставим на одну ступень: «нельзя», «не положено» и «не принято». Нельзя – грешить. Не положено и не принято, например, матушке исповедоваться у своего батюшки. Но не «нельзя». Не принято и не положено исповедоваться у разных духовников, чтобы не было лукавства: одному сказал одно, другому другое. И опять же – то, о чем мы уже говорили: стеснение перед духовником заставляет задумываться.

ОЧЕНЬ сложный вопрос о наследственности грехов. Когда человек стремится к спасению, он все-таки преодолевает свою наследственность. При этом он страдает, в этом случае можно сказать, что за грехи предшествовавших поколений. Если же человек не борется с дурной наследственностью, то она его угнетает, мучает, мучают грехи, которые передаются по наследству, такие, как пьянство, всякие блудные вещи, потому что может быть некая предрасположенность в характере, в стремлениях.

Много примеров указывают на то, что существует такая связь поколений, когда передаются как добродетели, так и греховные наклонности. Но это вовсе не оправдание: «Он такой, ведь у него дурные наклонности». Нет, не так: ты такой родился, но должен быть хорошим человеком. К этому нужно стремиться, а этот подвиг внутренней борьбы с тем,

что тебе дано по наследству, – он очень высоко ценится в очах Божиих.

Представления о том, что наследственность непреодолима, не должно быть, потому что это неправильно. Это означало бы, что человек предопределен на погибель.

Наследственность существует и положительная, и отрицательная, но человек или убавляет греховную наследственность, или усугубляет ее. Так же, как и добродетель: человек может ее получить, но своей греховностью утратить, или же может умножить, как преподобный Серафим и другие святые, унаследовавшие добродетели своих родителей и возвысившиеся на еще большую духовную высоту. Но все равно отвечать за свое каждый будет сам.

Говорят: человек – это продукт общества, была такая известная фраза в свое время. Ну, это как сказать: в некоторых случаях – да, а в некоторых – нет. В зависимости от того, насколько человек воспримет влияние общества. Будет он вместе со всеми бесноваться или будет удаляться дурного.

Это человек. Но ведь самое главное – есть Господь, который в любом обществе, в самых невероятных условиях оказывает поддержку, даже чудесную, или особое подкрепление. Таких примеров можно много найти в житиях святых и подвижников благочестия.

ПОСЛЕДНИЙ вопрос:

– Быть честным перед собой – это и есть быть честным перед Богом?

Попробуйте ответить на него себе сами.

СКРЕПЫ

Осуждающий всегда ошибается и неправильно судит, ибо мы не знаем причину согрешающего, а судим по своему устройению.

Кто как настроен, тот так и о других заключает, ибо кривое око на всех криво глядит.

Схиизумен Иоанн, валаамский старец

Скажите, пожалуйста...

 <p><i>Вот что ответили нашему корреспонденту Ларисе Беляевой на ее вопросы...</i></p>	<p><i>Максим Швелёв, 43 года, юрист</i></p>	<p><i>Алексей Сутормин, 27 лет, сотрудник магазина православной литературы</i></p>	<p><i>Владимир Акимович Быстрицкий, 64 года, военный пенсионер</i></p>
<p>Что Вы чувствуете, открывая священнику свои грехи: стыд, желание обойти острые углы, облегчение?</p>	<p>Какое-то смущение все равно испытываю, наравне с облегчением.</p>	<p>Открывая грехи, чувствуешь одновременно стыд и облегчение. Облегчение от того, что знаешь: Господь обязательно простит тебе твои грехи.</p>	<p>Чувствую стыд перед собой, перед Богом, что совершаю такие грехи. Но когда заканчивается исповедь, облегчение в душе имею, как будто снял пудовые гири.</p>
<p>Мешает ли Вам осознание совершенного греха все время, пока Вы не исповедуетесь?</p>	<p>Не сказать, что мешает, но когда осознаешь, что грех совершил, – это подталкивает быстрее подготовиться к исповеди.</p>	<p>Осознание своей греховности приходит с годами, с развитием духовной жизни. Лично у меня: чем дольше я не исповедуюсь, тем больше притупляется чувство греха.</p>	<p>Да, конечно, знаешь свои грехи, как тяжелый груз несешь, и стремишься поскорее избавиться от них. Когда исповедуюсь, чувствую благодать Божию, легче становится жить.</p>
<p>Труднее или легче становится для Вас подготовка к исповеди с годами?</p>	<p>Физически никаких трудностей здесь нет, а морально осмысливаешь всё больше и больше.</p>	<p>С годами готовиться к исповеди становится трудней. Больше прочитываешь православных духовных книг и невольно стараешься полнее подходить к этому Таинству.</p>	<p>Я исповедуюсь всего 7-8 лет. Вначале трудно собирался с мыслями. Теперь сравниваю свою жизнь с заповедями Божиими и так нахожу свои грехи. Стало легче.</p>
<p>Допускаете ли Вы, что однажды, придя на исповедь, Вы не обнаружите у себя грехов?</p>	<p>Нет, не допускаю.</p>	<p>Конечно, не допускаю, что, придя на исповедь, не обнаружу у себя грехов.</p>	<p>Нет. Ни в коем случае!</p>
<p>Что приходит на ум, когда, только исповедавшись, Вы вновь совершили грех?</p>	<p>Горечь, досаду, злость на самого себя. Старался, готовился – и на тебе!...</p>	<p>Что приходит на ум?.. Что, видимо, я неисправимый грешник и что опять придётся идти на исповедь.</p>	<p>Стыд чувствую.</p>
<p>Так стоит ли исповедоваться, если знаешь, что опять согрешишь?</p>	<p>Конечно. Как же не исповедоваться?! Потому и исповедуются, что вольно или не вольно приходится грешить.</p>	<p>Несомненно, стоит! Именно через исповедь, через отпущение грехов Господь дарует нам спасение.</p>	<p>Обязательно нужно исповедоваться, чтобы снять свою шеплу, грехи свои, хотя и знаешь, что они придут опять.</p>

<p style="text-align: center;"><i>Наталья Казюлина, 49 лет, матушка</i></p>	<p style="text-align: center;"><i>Валентин Терехов, 23 года, водитель</i></p>	<p style="text-align: center;"><i>Ольга Чмель, 27 лет, бухгалтер</i></p>	<p style="text-align: center;"><i>Протоиерей Алексей Тимофеев, 52 года, настоятель Никольской церкви села Озерецкое</i></p>
			
<p>Стыд, безусловно, а потом облегчение.</p>	<p>После исповеди приходит облегчение.</p>	<p>Чувствуешь облегчение. Стыд поначалу бывает.</p>	<p>Хочется чувствовать ненависть ко греху и огромную милость Господа Бога. При стыде – душа живая. Обходя острые углы, Бога не обманешь.</p>
<p>Если какой-то большой, серьезный грех – то, конечно, мешает, а мелкие... Привыкаем к ним, к сожалению.</p>	<p>Да, мешает. Об этом, правда, порой забываешь, но когда вспомнишь, становится не по себе.</p>	<p>Мешает. Это постоянно гложет. Совесть, она живая...</p>	<p>Да. Но священник может возопить перед Престолом: «Господи, прости меня окаянного, недостойного Твоего служителя!» А позже – и исповедовать грех.</p>
<p>Зависит, наверное, не от лет, а от интенсивности жизни. Поэтому бывает по-разному.</p>	<p>С годами легче становится подготовка к исповеди.</p>	<p>Трудно сказать. Одинаково трудно всегда. Конечно, когда познания какие-то получаешь, намного легче становится.</p>	<p>Легче. Теперь, правда, я делаю это реже, но исповедь, покаяние есть в душе, и эта встреча со своим Отцом приносит радость.</p>
<p>Нет, конечно, не допускаю.</p>	<p>Не бывает такого, чтобы грехов не было: все мы грешны. Даже если мы, как нам кажется, не совершали грехов, всё равно наша сущность греховна, повреждена.</p>	<p>Нет, конечно, я такого не допускаю, потому что грех совершается на каждом шагу. Куда-то посмотрел, кого-то осудил, подумал.</p>	<p>Может ли тело само по себе быть чистым? А если не видишь своей духовной грязи, значит, твоя душа находится во тьме.</p>
<p>Это зависит от того, какой грех, потом острое ощущение греха зависит от духовной жизни. Стыдно, что есть грехи, которые постоянно повторяются.</p>	<p>Досадно становится: только исповедовался – и по новой пошло. Когда повторяется грех, тяжело становится.</p>	<p>Сожаление приходит. Грешный человек: только исповедался – и опять совершил!..</p>	<p>Мысль о поврежденности человеческой природы. И самое главное: как милостив к нам Господь, как Он нас любит и потому прощает нам наши грехи.</p>
<p>Да, стоит исповедоваться. Чем чаще исповедуешься, тем легче становится.</p>	<p>Конечно, стоит.</p>	<p>Конечно, стоит. Исповедь – это баня, надо свою душу приводить в порядок.</p>	<p>Конечно, стоит! Исповедь – это гигиена души.</p>

Покаяние – стержень духовной жизни

Эта емкая формула, принадлежащая священномученику Сергию Мечёву, можно сказать, стала стержнем и беседы главного редактора журнала Павла Демидова с выдающейся исполнительницей, мастером вокала, народной артисткой России Еленой Камбуровой

– Позвольте, дорогая Елена, начать с поздравления. Хочу поздравить всех нас, поклонников Вашего необыкновенного, уникального таланта, всех, кому дорого подлинное и высокое искусство, с тем, что Вы столько лет дарите нам возможность видеть и слушать Вас.

– Благодарю Вас.

– Начнем, пожалуй?

– С Богом!

– Вы ощущаете в повседневной жизни, что Вы – человек верующий? В чем это проявляется?

– Прежде всего, в том, что я знаю, как могу и как не могу поступить в том или ином случае. А если случится совершить поступок, которого делать не следовало бы, я осознаю, что это грех, в котором необходимо каяться.

– И Вы это делаете.

– Разумеется. В идеале надо бы исповедать грех сразу, чтобы не таскать его на себе. Но, к сожалению, жизнь складывается так, что не удается регулярно бывать даже на службах в храме. Я понимаю: не дело для православного человека забежать в храм и впопыхах расставить свечки – надо не просто быть на богослужении, а участвовать в нем. Но у артиста субботы и воскресенья – самые рабочие дни. При первой возможности я бываю на службах, в праздники – непременно, все цветы, которые мне дарят, я отношу в храм. Но, повторюсь, жизнь есть жизнь, и она диктует свои правила.

– Сейчас, в век торжества либеральных ценностей, многие считают, что вера ограничивает свободу людей. Что Вы думаете по этому поводу?

– Что это величайшее, пагубное заблуждение, цель которого – еще глубже ввергнуть человечество в грех. Именно вера делает нас свободными. Свободными от греха, от погибели. Уже сам факт существования в вере это огромное облегчение. Взять хотя бы смерть. Каждый знает, что земная жизнь конечна. Но для неверующего человека переход в другой мир очень тяжел. И совсем иное – для верующего. Не знаю, кто как, но лично я испытываю чувство удивительной свободы, когда удается именно соблюдать, а не нарушать главные заповеди. Но, конечно, у меня тоже есть грехи...

– А у кого их нет? Скажите, верно ли наблюдение, что в последнее

время все больше людей искусства приходит к вере? Чем это можно объяснить?

– Действительно, может сложиться такое впечатление. Вдруг выясняется, что то с одним актером, то с другим мы единоверцы... Например, Сергей Маковецкий. Где-то с ним было интервью, так оно все пронизано православным отношением к жизни. Меня это, конечно, очень радует. Но, думаю, все проще. Актеры больше на виду, и потому каждый их шаг, каждое слово становятся всеобщим достоянием.

– То есть, Вы думаете, что это не связано с профессией?

– Нет, конечно. Иначе можно договориться до того, что одни профессии более «религиозны», а другие – менее, что одни «атеистичны», а другие – нет. Не думаю, что Господь, создавая нас, предполагал подобное деление. Вера и профессия – считаю, между ними нет причинно-следственной связи. Все мы равно отвечаем перед Господом за то, что делаем, кем бы мы ни были – актером или врачом. Другое дело – ответственность. Она зависит от степени воздействия результатов твоего труда. Больше ответственности на режиссере, а не на исполнителе, больше на авторе, а не на актере. Актер – это подневольная профессия. Скажет он: я не буду вот так сниматься или вот так играть. А ему ответят: ну, и уходите. А ему надо кормить семью... Я всегда думала об этом. Нет, гораздо больше ответственности на авторах и на режиссерах, ибо они не только излагают свои взгляды, высказывают свои оценки, но и общаются к этому других, то есть нас, актеров.

– А через вас еще и зрителей.

– И тогда ответственность возрастает вообще неизмеримо. Хорошо, когда внимающие достаточно устойчивы, когда им привит духовный иммунитет. А если растущее деревце привязать к кривой направляющей палке, оно, это деревце, и вырастет кривым. Сегодня столько агрессии, грубого напора...

– В последнее время эти тенденции проявляются все ярче.

– К сожалению, да. Иной раз я просто боюсь в театр ходить, потому что не знаю, на что напорюсь.

– Я часто вспоминаю страничку из моей давней-давней жизни. Мы жили в комнате такого примерно

размера, как эта, где мы сейчас сидим. У нас было прокатное пианино, за которым стояла моя кровать. Часто вечерами к родителям приходили друзья, и они играли, пели, веселились... Больше всего они любили Вертинского. И я, засыпая, и, наверное, во сне тоже, запоминал его песни. И запомнил их на всю жизнь, чем приводил в восторг и недоумение, особенно по молодости, мам и бабушек моих сверстников и особенно сверстниц. А что могут запомнить сегодняшние дети, слушая песни своих молодых родителей? Этот ужасный рэп, или недвусмысленную пошлость, или откровенное неприличие?

– К сожалению, проявление такого вкуса уже норма. Пошлость стала нормой. Это уже не сорняк, который случайно вырос на клумбе, а клумба, сплошь состоящая из сорняков. Полезные, красивые, нежные растения в лучшем случае жмутся где-то по обочинам.

– Вы думаете, здесь больше влияния западной поп-культуры или это все равно возникло бы в нашей жизни?

– И то, и другое. Просто у нас все это гипертрофировано.

– Как вообще все у нас.

– Да. Как все у нас. К счастью, шкала истинных ценностей, пусть и подзабытая, остается все-таки незыблемой, ибо без нее рухнула бы вся культура.

– Что Вы имеете в виду?

– Хотя бы классическую музыку. Она датируется рождением не только в прошлых веках. Есть она и сейчас. Как прекрасно творчество наших современников: Алексея Рыбникова, Эдуарда Артемьева, Владимира Мартынова, митрополита Илариона... Если говорить о песне, ею правят те же законы всеобщей гармонии, которые заложены Творцом во все сущее. У песни, помимо мелодии, должен быть смысл, который к тому же хорошо выражен, то есть это уже не текст, а стихи. Но цену этому знают у нас не все. Жаль, что таких посвященных становится все меньше.

– Я тоже много над этим думаю. И даже задаю себе вопрос: может, это уже возрастной взгляд? Вечные отцы и дети? Раньше было так, а теперь стало иначе?

– Да нет же!

На сцене

В жизни

– Но ведь невозможно такое **принять!**

– Невозможно. Сколько лет я кричу, как тот мальчик из сказки Андерсена, что король голый! Но меня мало кто слышит... А это напрямую связано с верой.

– **То есть, имеющий уши да слышит! Пусть тоненькая, но все же была на людях нравственная оболочка. А за последние два десятилетия она не только легко отслоилась, но от нее вроде бы даже с радостью освобождаются.**

– Позволю не согласиться с Вами. Не так уж она и тонка, эта нравственная оболочка, если столь велика разница между человеком сегодняшнего дня и дня вчерашнего. При всех огромных сложностях того, доперестроечного времени общий нравственный уровень был несоизмеримо выше, чем сегодня. Как бы ни иронизировали по поводу идеологии, все-таки были четкие границы того хотя бы, что пристойно, а что – нет... Идет же повсеместное разращение человеческого образа. Появилось огромное число неожиданно разбогатевших людей с нулевой нравственной основой, с низкой культурой, с дурным вкусом, но хорошо понимающих, что сегодня миром правят деньги. Стало быть, они и есть заправилы мира. Они задают тон. Через губу разговаривают.

Им нужно, чтобы в театре было вот это. В песне было это. И ничего другого. А те, кто занимаются пропагандой всего этого, – главы каналов дирижеры и режиссеры, не выдерживают искушения деньгами. Разрушается личность человека, задуманная Господом Богом.

– **А не падаем ли мы с Вами в грех осуждения? Может быть, самое время покаяться?**

– Покаяться никогда не мешает, и всегда есть в чем. Я это знаю. Мы же не ставим оценок, не выносим приговор. А называть вещи своими именами – разве это осуждение? Я не вижу повода для покаяния.

– **Тема номера как раз об этом – о покаянии. Стоит ли исповедоваться, если знаешь, что опять согрешишь? Как Вы можете ответить на этот вопрос, оперируя личным опытом?**

– Личного опыта прегрешений, увы, много... Что же до исповедания... Покаяние – это рубеж, подступая к которому, испытываешь невероятное чувство стыда за содеянное. В эти минуты твои проступки видны тебе особенно ярко, крупно, без прикрас. Но вот рубеж преодолен, Господь через священника отпустил тебе грехи – и какая же благодать нисходит на раскаявшегося грешника! Известно: человеческая природа повреждена, грехи будут совершаться еще и еще, но значит ли, что покаяние

в таком случае лишено смысла? Напротив! Чем чаще прибегаешь к Таинству исповеди, тем чаще принимаешь Божественную благодать. И уже от одного этого человек не может не меняться в лучшую сторону. А если опустить руки или, по лености, отмахнуться от исповедного труда, душа будет все глубже оседать под грузом грехов, пока не опустится на самое дно. А как уж ее оттуда поднять, чем извлечь?.. Это великий подарок Господа – наша вера. Человек счастлив от того, что видит свою греховность! Не великолепие свое, не свое превосходство, а свое несовершенство, то есть видит правду о себе.

– **В иных верованиях и даже в ветвях христианства все направлено на то, чтобы убедить человека в его абсолютной правоте, в безошибочности, в том, что он сам может достичь всего... Но там нет места Богу. Там Бог просто не нужен.**

– Именно! В нашей же вере, в Православии, человек, видя, каков он есть на самом деле, не отчаивается, не лезет в петлю. Он радуется, что у него есть будущее, что ему есть куда двигаться, есть до чего расти. Пример тому – наши православные святые. Вера – это еще и огромное ограждение. Я уверена: сегодня преступлений было бы гораздо больше, если бы так много людей не повернулось к вере. Потому что теперь

Кинопроба. Фильм не состоялся

и у них есть барьер, за который они не перейдут. Великий Дирижер берет партитуру времени и начинает расставлять всех по своим местам. Неведомо для нас.

– Это, видимо, такая же тайна, как то, почему один приходит к вере, а другой не приходит. Почему Господь одному открывает этот путь, а другому – нет. Вы с детства верующий человек? У вас семья была церковной?

– Увы, нет... Но я всегда сознавала, что Бог есть. Рядом я всегда видела тетю, она жила с нами. И просто тихо верила в Господа нашего Иисуса Христа. Не тайком, а именно тихо ходила в храм, отстаивала большие службы, всегда на ночь и утром читала своим слабеньким голоском молитвенные правила. А я только отмечала, фиксировала в памяти. Понимание того, что хорошо, а что плохо, во мне всегда было связано с образом моей тети и с образом ее жизни.

– В принципе такое знание есть у каждого; только одни следуют здесь общепринятым, религиозным понятиям, другие – нормам либеральной этики, а третьи – собственным представлениям.

– Теперь я понимаю: во мне уже с детства жили нормы христианской этики. Хотя то время всячески старалось

оградить людей от этого знания.

– Но, к счастью, в жизни каждого был какой-то человек – у Вас тетька, у меня бабушка, у третьего – еще кто-то, – но каждому светил маячок, зажженный от света Христа.

– Как ни странно, большевистская идеология, несмотря на ее богоборческую сущность, кое в чем даже примыкала к Православию. Они многое заимствовали из христианских по-

стулатов. Там не такие уж глупые люди встречались. Они понимали, что в вере объективно заложено доброе начало, а субъективно – так легче было интегрироваться в сознание общества, уже напитанного Православием. Хотя сами чудовищно нарушали то, чему призывали следовать других.

– Не сказал бы, что сегодня так уж просторно движение к этому Свету. Нет, купола сверкают, свечи горят, за святой водой километровые очереди... всё так. Но! Постоянно задаюсь горьким вопросом. Как можно считать себя православным народом, если нет самого главного – любви? Мы порой ведем себя друг с другом, словно заклятые враги. Люди между собой. Структуры между собой. Люди и структуры между собой. Будь то государственный или частный сектор. А если нет самого главного – любви, – о чем можно говорить?

– Я думаю, это своего рода болезнь роста. Точнее, духовного роста. Избавление от десятилетий несвободы не может проходить гладко. Я с оптимизмом смотрю в будущее и многого жду от Церкви. Хотя... Я, наверное, не имею права так говорить, но не могу не поделиться мыслями. Бесспорно, очень важно, чтобы в храм приходили не формально. Но не менее важно, чтобы и встречали людей в храме, особенно мо-

лодых, тоже не формально. Я понимаю, для многих, кто трудится в храме, это именно их работа. А хочется, чтобы для всех это было служение. И священник может порой как-то так ответить, что человек уйдет. А тот всего лишь не так одет, не так ставит свечу. Человек пришел в храм, пришел к Богу! Какое-то время я наблюдала за одной девочкой. Она приходила в храм, и ее никто не дергал, не делал замечаний, это в храме, куда я хожу. Приходила она в храм, совсем не по-церковному одетая. Но приходила! Стояла перед иконами. О чем-то, думаю, просила, потому что я видела ее шевелящиеся губы. А через какое-то время смотрю – она уже по-другому и держится, и выглядит. Покрытая голова, подобающая одежда... А другой может все соблюдать – и посты, и прочее, а быть жестким, холодным. Иной неверующий готов на гораздо большую отдачу, чем такой «православный».

– В общем-то, человеку так немного нужно. Капельку участия.

– Сострадания. То есть совместного страдания. Причем, это не обязательно всегда переживание тех же скорбей, бед и прочего. Достаточно иметь не окамененное сердце. Достаточно вместе чувствовать, то есть со-чувствовать. А верующий человек и должен быть способен к милосердию и состраданию. Иной раз слышишь от кого-то: «Я абсолютно счастливый человек!» Я, конечно, рада, что этому человеку так хорошо, но как можно на нашей земле быть абсолютно счастливым, когда вокруг столько горя и несправедливости?! На земле, которую всю искорезжили, на которой что только не творится, где столько горя и бед, – можно ли чувствовать себя счастливым? Мне одинаково больно от того, что произошло в Польше или в Соединенных Штатах Америки, у моих близких или вообще у не знакомых мне людей.

– А почему так много нестроений на земле? Нет ли повода задуматься над этим?

– Я думаю, что всему виной дефицит культуры. Не в узком, прикладном понимании этого слова. Культуры в исконном ее значении – как возделывания. Культуры возделывания своей души. А отсюда как производное – и культура отношений, и культура на театре, в музыке... Ведь музыка может быть абсолютно разрушительной. Если

нет гармонии, нет мелодии. А какофония ничего хорошего сердцу не говорит. Лично я ощущаю это просто на физиологическом уровне.

– **И не только Вы.** Если частота звуковых колебаний, производимых тем или другим музыкальным произведением или инструментом, не будет органична колебаниям клеток вашего организма, это вызовет, как минимум, дискомфорт. Господь сотворил нас в определенных параметрах. И если они, эти параметры, будут насильственно изменяться, той же поп-музыкой, это будет разрушением нашего организма, то есть образа и подобия Божия, по которому мы и созданы.

– Вспомните битлов. Кричали: родилась новая великая культура! Мир сошел с ума! А по сути? Как вели себя люди, особенно молодые, на их концертах? Сколько трагедий приносили их выступления! Началось вроде бы незаметно, маняще...

– **Хотя у них есть и прекрасные произведения.**

– В этом-то и опасность. А как иначе привлечь, если не красивым, манящим? Зато потом можно привести человека в состояние экстаза, когда он теряет голову, не помнит себя. Посмотреть на эту толпу, которая собирается после рок-концертов, это чудовищно.

– **Поверьте, это не дежурный комплимент.** На Ваших вечерах, спектаклях, концертах комок к горлу подступает, когда видишь Ваших зрителей. Я думал, что таких остались единицы, а их был переполненный зал! Это не современные «энергичные люди» (так у Василия Шукшина), а нормальный народ. Воспитанный, интеллигентный, с хорошим вкусом. Умеющий прилично себя вести. Пристойно одетый, пристойно разговаривающий. Я слышал нормальную русскую речь, а не этот современный, лающий говор, напитанный вулгаризмами. Скажу больше: я думал встретить там людей сплошь пенсионного и постпенсионного возраста, а там было много молодежи! И это было особенно отраднo.

– Да. Мой зритель не убывает по естественной причине – он молодеет. Это не просто радует. Это внушает такой оптимизм!.. Значит, мы живы,

мы будем жить, мы сохранимся как нормальный народ. Если заглянуть в интернет на страничку «В контакте», можно увидеть, что там подавляющее большинство поклонников моего творчества молодежь.

– **То, что в людях жива онтологическая тяга к гармоничному, к богмзданному, – естественно. Но чаще мы видим примеры иного толка.**

– А других просто не показывают. Образуется своего рода замкнутый круг. Те, кого влечет настоящее искусство, я говорю не о себе, а в целом – настоящее искусство как связь с гармонией, заложенной в нас Богом, эти люди, как правило, не рвутся в публичную деятельность. То есть и сфера шоу-бизнеса им ни к чему. А те, кто поклоняется децибелам, с удовольствием занимаются этой работой и приглашают туда, естественно, себе подобных. Мы же – Погудин, Серебренников, Смолянинова, Камбурова и подобные нам – мы для них антагонисты. Зачем же они будут давать нам мощную телевизионную площадку? Я отношусь к этому с пониманием и без обиды. Обидно за нашу публику. Я была в «Орленке». Выступала перед совсем юными – 13, 14 лет. Это была очень показательная встреча. Потом в интернете они мне писали: «А почему, почему нам этого не показывают? Мы даже не знаем, что такое искусство существует». А вот не показывают: мы – «неформат».

– **Как пробить эту стену? Современное агрессивное искусство предполагает и агрессивных его носителей. Вы, судя по всему, человек не пробивной...**

– Да уж, агрессия – это не про меня. Мы уже два года ведем переговоры с телеканалом Культура о создании музыкальной программы, альтернативной попсе. Два года! А они все никак не могут раскататься. Я предлагаю начать с песни Окуджавы «Моцарт», а мне говорят, что тогда зрители уйдут на другой канал... Но я отчаяние в себя не впускаю. Очень надеюсь, что этой осенью что-то сдвинется с места. Я все равно счастлива. У меня есть свой зритель, свой зал, свой театр, свой репертуар. Что еще нужно актеру? И у меня есть главное. Вера. Наше Православие. А что для человека может быть важнее?

Фотографии предоставлены пресс-службой театра Елены Камбуровой

Ей пишут

*Голос Ваш – океан,
И он всегда спасает,
Помогает жить.
Спасибо за все.*

*40 лет, с тех пор, как
услышала Вас впервые,
Вы помогаете мне жить.
Спасибо силам небесным,
что Вы есть! Низкий поклон
Вам!*

*Ваши концерты и посещение
Свято-Троицкого Александра
Свирского монастыря –
особые события для нас.
Да хранит Вас Господь Бог!*

*Вы дарите людям крылья,
которые могут вынести
человека из любых жизненных
передраг. Как сказал мой
муж: «Ваши песни – это
путь к Богу!». И я полностью
согласна.*

СЕКРЕПЫ

*Не даем ли мы в себе
дорогу злым духам,
когда страстно желаем
земного, когда при-
гибаемся к желаниям
временного?*

*Святитель
Иоанн Златоуст*

СВЯТЫМИ СТАНОВЯТСЯ НА ЗЕМЛЕ

На вопросы «Лампады» отвечает член Синодальной комиссии по канонизации святых игумен Дамаскин (Орловский)

Петроградского Вениамина (Казанского) и вместе с ним пострадавших, великую княгиню Елисавету и инокиню Варвару; Архиерейский Собор 1994 года прославил митрополита Московского Филарета (Дроздова), новомучеников протоиерея Иоанна (Кочурова) и протопресвитера Александра (Хотовицкого); Архиерейский Собор 1997 года прославил новомучеников и исповедников Местоблюстителя Патриаршего Престола митрополита Крутицкого Петра (Полянского), митрополита Серафима (Чичаго-

это, прежде всего, полнота материалов и детальное их изучение вне зависимости от того, идет ли речь о подвижнике благочестия, или о мученике. Но если в случае с подвижником благочестия изучается его жизнь, а также прижизненные и посмертные чудеса, то в случае с мучеником предпочтение отдается изучению исповеднического подвига, верности Христу в условиях гонений, заключения и мученических страданий. Это, конечно, не означает пренебрежения к изучению вопроса о том, насколько христианской была жизнь человека до того, как он пострадал. В связи с увеличением числа канонизаций растет и количество изучаемых материалов. Соответственно многократно увеличился объем материалов, которые требуется изучить прежде, чем принимается какое-либо решение.

– Есть определенные критерии канонизации. Достаточно ли какого-то одного из них для прославления? Например, «За большие заслуги перед Церковью и народом Божиим»: ведь жизнь человека при этом могла быть не совсем праведной.

– Сами критерии канонизации неизменяемы. Во всех случаях изучаются все периоды жизни мученика или подвижника, однако необходимо, чтобы и учитывались все критерии. Нарушая какую-нибудь одну из заповедей, человек тем самым нарушает их все. По слову Священного Писания, «кто соблюдает весь закон и согрешит в одном чем-нибудь, тот становится виновным во всем. Ибо Тот же, Кто сказал: “не прелюбодействуй”, – сказал и: “не убей”; посему, если ты не прелюбодействуешь, но убьешь, то ты также преступник закона» (Иак. 2, 10–11). Один из важнейших критериев – благочестие самого человека, его стремление к совершенному исполнению заповедей Христовых. Человек должен быть в своей личной жизни, прежде всего, христианином, и это важнее всех многополезных церковных и общественных дел, ибо сделать-то всего можно много, а душе своей повредить. Иной и занимается полезной церковной дея-

– Комиссия, в работе которой Вы участвуете, существует уже 20 с лишним лет. Изменились ли характер и объем ее работы за это время, появились ли какие-то особенности? Если да, в чем они?

– На Поместном Соборе Русской Православной Церкви в 1988 году были прославлены благоверный князь Димитрий Донской, преподобные Андрей Рублев и Максим Грек, митрополит Московский и всея Руси Макарий, схиархимандрит Паисий (Величковский), блаженная Ксения Петербургская, епископ Игнатий (Брянчанинов), иеросхимонах Амвросий Оптинский и епископ Феофан Затворник. В 1989 году постановлением Священного Синода была создана Комиссия по канонизации святых. В 1989 году Архиерейский Собор Русской Православной Церкви прославил святителей Иова и Тихона; Поместный Собор 1990 года прославил праведного Иоанна Кронштадтского; в 1992 году Архиерейский Собор прославил уже некоторое число новомучеников и исповедников – митрополита Киевского Владимира (Богоявленского), митрополита

ва) и архиепископа Тверского Фаддея (Успенского).

Из всего этого списка имен новопрославленных святых становится ясно, что Русская Православная Церковь перед переходом к существованию в новых государственных условиях в 1988 году прославила избранно – благоверного князя, преподобных древности, праведного святителя, сделавшего очень много для нее, и в частности в деле прославления святых, великого деятеля на поприще духовного просвещения и продолжателя традиции старчества и также двух самых известных святителей XIX столетия. Только когда уже начались новые взаимоотношения между Церковью и государством, Русская Православная Церковь смогла приступить к прославлению новомучеников. Сначала самых известных. Наконец, на Архиерейском Соборе 2000 года был прославлен Собор новомучеников и исповедников Российских как поименованных, так и безымянных, имена которых по мере изучения их исповеднического подвига включаются в Собор и в православный календарь. Подход Комиссии по канонизации –

тельностью, а в личных отношениях с кем-нибудь так разгневется, что куда там заповеди Христовы, подражание Его милосердию и любви. Да и какой смысл в таком прославлении, когда человек много сделал на общественном и церковном поприще, а о душе своей не радел? Какой же это будет пример для подражания? Критерии, применимые обычно к области государственного, общественного или культурного созидания, не применимы к жизни Церкви, так как первостепенная задача человека в спасении своей души, а не во внешнем делании. Эта первая и главная задача христианина, все остальное только прикладывается к этому и осуществляется в значительной степени, как внешнее делание.

– Можно ли говорить о том, что есть периоды истории, богатые святыми, а есть и скудные? Почему так?

– Да, вполне можно сказать, что в те или иные периоды жизни Поместной Церкви может просиять большее или меньшее число святых. Можно сказать, что народ в это время переживал периоды духовного и нравственного подъема или упадка. Такое неблагочестивое время наш народ переживал в XVII и XVIII столетиях, когда люди, искавшие благочестия и правых путей ко спасению, бежали за пределы России, как сделал это преподобный Паисий (Величковский). Причем, в это время само государство стало противником религиозного просвещения, выдавая

за просвещение плоды цивилизации, путая бытовые и технические удобства и комфорт со спасением души. В XIX столетии чуть возникло стремление к христианскому просвещению и благочестию, но тут же было утоплено в море развращающей пропаганды. И совсем бы мы оказались без святых идеалов, без подвижников, без светочей духа, если бы не гонение, во время которого множество исповедников прославились мученичеством за Христа, предпочтя путь Христов всем преимуществам жизни земной. Одна из причин упадка благочестия и, следовательно, оскудения числа преподобных – это отступление людей от Христа; другая причина – это когда государство создавало неблагоприятные условия для спасения человека, особенно это было существенно тогда для России, страны в то время крестьянской, где власть декларировала характер отеческих отношений к человеку, но на практике не исполняла их.

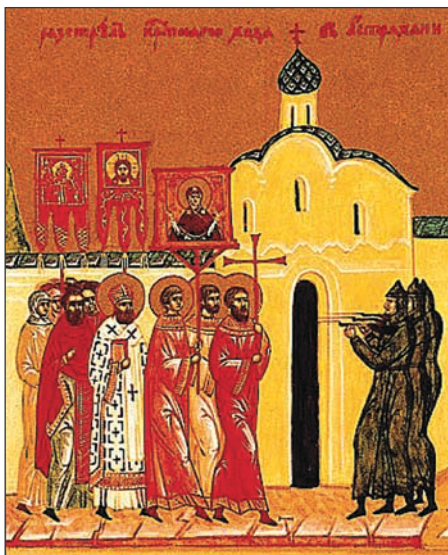
– Если в каком-то народе много святых, значит ли это, что народ этот ближе других к спасению?

– В этом случае лучше сразу разделить слова «человек» и «народ». Христос не пришел спасти тот или иной народ как некую совокупность, ибо о народе мы вряд ли можем сказать, что народ наследует Царство Небесное. Христос пришел спасти наследующего Царство Небесное, то есть человека. И потому о народе невозможно сказать в принципе, ближе ли других народов он ко спасению, или дальше, ибо во Христе спасается только человек.

– Чем объяснить, что вдруг возникает волна стихийного поклонения той или иной личности, люди устремляются в паломнические поездки, уносят с могил «священную землю», самочинно делают иконы. Хочется какого-то «свежего святого»? Не отзвук ли это языческого верования в чудо?

– Современный человек, включая и верующего человека, живет сегодня в совершенно иных условиях, нежели человек прошлого, по крайней мере люди, жившие до конца XIX столетия. До этого времени сведения о подвижниках, как и вообще о многих фактах исторической действительности, хотя и фиксировались, но не имели массового

распространения, не было того, что в XX веке стало называться пропагандой, когда те или иные факты стали навязываться читателю, подаваться предвзято, под определенную цель, зачастую не связанную с сообщаемым. Современного человека трудно назвать свободным в своем выборе. Скорее, это человек, более или менее управляемый средствами информации. До возникновения пропаганды любой факт действительности, как и сведения о подвижнике, достигали до человека медленно; за это время человек успевал сам столкнуться с людьми, знавшими подвижника, или с теми, кто был свидетелем чудес по его молитвам; человек и сам мог более или менее верно оценить явление – в меру личного благочестия и страха Божия, о которых наш современник имеет очень расплывчатое представление. В настоящее же время сведения о жизни подвижника и вообще те или иные факты могут быть навязаны человеку, который, с одной стороны, не имеет никакой возможности их проверить, с другой – не имеет почти никаких собственных критериев и средств для их оценки, ибо сам не имеет опытного представления о благочестии. Какой может быть страх Божий в человеке или какое религиозное сознание, если он оглушен пропагандой, а святых отцов или подвижников благочестия и даже Священное Писание читает и изучает мало, во всяком случае не отдает им предпочтения, я уже не говорю, что старается исполнить и применить в своей жизни прочитанное? Если раньше можно было говорить, что церковное предание хранится церковным народом, сама память о святых подвижниках сберегается народом Божиим, потому что народ тогда действительно испытывал острую жажду быть в Церкви, быть ближе к святым, то теперь этого о современных людях никак не скажешь. Мы живем во время утраты церковного сознания, вообще унификации сознания. Если еще в начале XX столетия многие подвижники жаловались, что зачастую невозможно отличить верующего человека от неверующего, то теперь этот процесс продвинулся еще дальше. Ныне предмет религиозного поклонения народа в современных обстоятельствах может быть навязан пропагандой. Сильную регулятивную роль играют жизнен-

ные предпочтения человека. К чему устремлен современный человек? К исполнению заповедей? К святой жизни? Вряд ли. Во всяком случае, не это является его главным жизненным мотивом и устремлением. Первое, к чему устремлен современный человек, – желание избыть, решить большие и малые беды свои и своих близких. Это было понятно и естественно, когда люди шли ко Христу и просили исцеления во время Его проповеди, но довольно странно после двух тысяч лет бытия Церкви Христовой, когда люди просят у Христа исцеления и решения их проблем, не отягощаясь исполнением заповедей Христовых и вниманием в Его учение. Это все равно, как если бы дети обращались к родителям, прося у них исключительно материальных благ и чтобы родители всегда заботились об их благополучии и комфорте, но сами совершенно не думали о том, чтобы исполнить то, о чем их просят их родители в нравственном плане. Современные люди ищут подвижников, которые исполнили бы их желания, они жаждут для себя не благочестия, а благ. И, конечно, находят то, что ищут. В современном мире все шире явление, когда люди идут к святыне, идут к мощам, но не приходят в Церковь, не хотят и принять от Церкви то, что она предлагает. Я уже не говорю о более тонкой материи: современный, исключительно душевный человек вряд ли может узнать духовное явление и тем более распознать, какого оно качества и из какого источника. Есть и то, о чем Вы говорите: в наш век мелькания событий

желание обрести нового святого и здесь стоит не на последнем месте. Кто жаждет духовной глубины – удовлетворится малым, но кто ищет по поверхности, тому всего, что он получает, будет мало, и он ничем не удовлетворится.

– **Нынешние люди немощны, а соблазны велики. То, что некоторое время назад считалось нормой жизни, сегодня уже почти подвиг. Учитывается ли это при рассмотрении конкретных вопросов о канонизации?**

– Это очень важный вопрос. Могут ли меняться евангельские критерии? Критерии благочестия? Требование к большей или меньшей степени исполнения заповедей Христовых, чтобы призвание к абсолютному совершенству: будьте совершенны «как совершенен Отец ваш Небесный», – заменилось чем-то другим? Не могут. Человек может осознавать себя великим грешником, видя, насколько далеко он отстоит от того, к чему призывал Господь, но он не может изменить идеала, оставаясь христианином. Подвижник – он и в IV веке подвижник и в XIV, и в XIX, как и исповедник, и мученик. Он и в I веке подвизался до крови за Христа, и в XX у него на первом месте – Христос. Но то, что уже и на бытовом уровне мы едва удерживаемся как христиане, чтобы не смешаться с людьми, не признающими Бога, и то, что было обычной бытовой нормой жизни для христиан когда-то, стало трудноисполнимым для современного человека и кажется ему вообще неисполнимым. Ибо, чтобы это исполнить, надо предварительно потрудиться над средствами и путями исполнения – такое совершенно справедливо. Это действительно наша современная жизнь. Однако это не может быть учтено при рассмотрении вопросов о канонизации, потому что никакая комиссия не может отменить Евангелие и евангельского учения.

– **С какими проблемами встречается комиссия сегодня? Над чем работает сейчас?**

– Основные материалы, с которыми работает Комиссия, – о мучениках и исповедниках. Основная проблема – это неполнота материалов. Не так много у нас имеется мучеников и исповедников, о которых сохранились исчерпывающие сведения, между тем как именно от полноты зависит принятие

решения. Ведь необходимо выяснить, каков был исповеднический подвиг мученика, было ли в его жизни исповедничество или он был арестован только по социальному признаку вместе со многими другими. Кроме того, история XX столетия в России вообще не слишком изучена, многие документы остаются недоступными до сегодняшнего дня, иные, такие, как архивно-следственные дела, в течение последних десятилетий были уничтожаемы в фондах, ставших ныне отчасти доступными. Все это делает работу исторической реконструкции прошлого довольно затруднительной, а без такой реконструкции сложно понять и изучить исповеднический подвиг мученика. Каждое жизнеописание мученика требует изучения всех эпизодов его жизни, включающих не только период гонений на Русскую Православную Церковь, но и дореволюционный, что требует поисков и изучения всех на настоящее время доступных архивных материалов; а все, кто когда-либо работал в архиве, знают, насколько это не просто даже относительно одной какой-нибудь проблемы, одного человека, а тем более сотен мучеников и исповедников, многие из которых сами сталкивались с духовными и церковными проблемами, каждая из которых в свою очередь требует ныне детального изучения.

Вопросы задавал Павел Демидов

СКРЕПЫ

Вся прелесть греха, прелесть диавола заключается в том, чтобы отвлечь умы и сердца христиан от небесного отечества, от святости и нетления уготованных нам благ и привязать, приковать к земле и к земным радостям и развлечениям, к земной любви, к тлену земному.

Св. прав.

Иоанн Кронштадтский

Руслан Армеев

По следам святителя Тихона Старая фотография воскрешает событие 1918 года

Э тот снимок пролежал под спудом почти 80 лет. Бережно сохраненный одним из местных священнослужителей, тайно передаваемый верующими из поколения в поколение, он увидел свет лишь в конце XX века и... заставил переписать расхожую советскую историю маленького заволжского городка Данилова.

Я вот родился и вырос здесь, но ничего такого до великовозрастных «митрофанушкиных» лет не знал. Да и кто знал?.. Если кто и знал, то помалкивал – раскрывать рот было небезопасно.

Опишу место действия. Наше Заволжье, когда-то лесное, дремучее, лежит на пути от Белого моря к первопрестольной. В первой половине XVII века мятежный расколучитель Капитон основал здесь свою лесную пустынь. А до него блаженный Илия Даниловский, Христа ради юродивый, по-своему отстаивал православную веру и был причислен к лику святых. Потом юный Михайло Ломоносов с рыбным обозом прошагал по нашим холмам. Народное предание – увы, не подтвержденное историками, – гласит, что поселение на берегу речки Пеленды было основано еще благоверным князем Даниилом Московским, откуда произошло и его название.

Если взглянуть на физическую карту, увидишь «Даниловскую возвышенность», которая легла от берега Волги до Грязовца. Холмы наши действительно крутые: на старом велосипеде,

без передач, в гору не въедешь, и пенсионер, подымаясь на городской холм, пару раз остановится, чтоб отдышаться. Но уже в 70-х годах XIX века сюда, лавируя между холмами, пришел первый поезд, что, несомненно, оживило местную заскорузлую жизнь.

Наверное, на поезде прибыла сюда в 1894 году и монахиня Михаила, некогда послушница Вышневолоцкого Казанского монастыря, несколько лет прожившая на Святой земле и основавшая там храм во имя великомученицы Екатерины. Духом, видно, была она созидательницей: и здесь, на соседнем с городом холме под названием Горушка, по благословению св. Иоанна Кронштадтского, на свои поначалу средства монахиня Михаила начала строить монастырь; и вскоре была учреждена Даниловская Казанская женская община, которая с 1901 года стала общежительным нештатным монастырем. Монахиню Михаилу возвели в сан игумении.

Тогда же сестры задумали возвести величественный монастырский собор в честь Казанской иконы Божией Матери. Проект сделал петербургский архитектор Василий Косяков. Ах, если

бы знали монахини, сколько страданий и трудов предстоит им снести на этом долгом и тернистом пути! Возводился храм с перерывами с 1901-го по 1918-й год – времена-то какие: войны, революции, снова войны, снова революции... Две игумении – Михаила и Иоанна – не вынесли тяжких трудов, скончались, а беспримерную стройку завершала игумения третья – Мария. На ее же долю достались и все тернии общения с безбожной новой властью. Но была в ее жизни и вот эта великая радость, запечатленная неизвестным нам фотографом. Освятить законченный новый величественный – как мечталось – собор в сентябре 1918 года прибыл сам Патриарх Московский и всея Руси Тихон.

Почему-то в книге серии ЖЗЛ «Патриарх Тихон» об этом незаурядном событии нет ни слова. Вспомним, какие это были поры. Только что завершился так называемый Ярославский белогвардейский мятеж. Многие храмы города были разрушены. И уже колесо «красного террора» покатило по стране – священнослужители и простые верующие одними из первых стали попадать

под него. Но новый русский Патриарх именно в это время предпринимает беспримерную поездку в Ростов Великий, Ярославль, Данилов. Он едет по старым русским землям, хорошо знакомым ему еще с тех времен, когда возглавлял, будучи архиепископом Ярославским и Ростовским, старейшую церковную кафедру. Он едет, чтобы поддержать православных людей в вере, чтобы в совместной молитве ко Господу постараться оградить Церковь от грядущих бед. Он едет, чтобы – как давно обещал – освятить возведенный в Данилове огромный и прекрасный, в русско-византийском стиле, собор...

Тот снимок сделан 16 (29) сентября 1918 года. В центре, в первом ряду, среди сидящих, легко узнаваемый Патриарх Тихон. С ним рядом (справа) – митрополит Ярославский и Ростовский Агафангел (теперь причислен к лику святых). Четвертый справа от Патриарха (со шляпой на коленях) – великий архидиакон Константин Розов. А игуменья Мария (предположительно) – третья от левого края снимка... Кто тут еще? Ну, конечно, даниловские и ярославские священно- и церковнослужители, ближние и дальние радетели-меценаты, конечно, все монастырские сестры (в начале XX века было их числом 80). Пришел сюда и простой люд – что называется, обыватели... Ох, вот бы сегодня всех-всех распознать, да о каждом бы поведать – кто он, какими судьбами оказался рядом с предстоятелем Русской Церкви в тяжкую ее годину! Получился бы уникальный том...

После знаменательного события, запечатленного на этом снимке, Казанский монастырь действовал еще почти десять лет. Но зимой 1928 года был закрыт и разграблен, сестры отправившись «куда глаза глядят». Игуменню Марию приютили православные

люди. Она скончалась в 30-х годах и похоронена на городском кладбище. В постройках монастыря разместились коммунальные квартиры, детский приют, сельхозтехникум, а главный собор стал зернохранилищем, складом, водонапорной башней, алтарь приспособи-

Казанский собор

ли под магазин. Собор утратил кресты и купола...

Только на стыке 80-х и 90-х годов прошлого века началось его возрождение. Немалую роль в этом сыграла общественная инициативная группа «Старый Город», объединившая неравнодушных людей. А в 2001 году в небольшом приделе был освящен престол во имя святителя Тихона Московского... Так Патриарх вернулся в Данилов, вернулся в эти, освященные им когда-то стены.

26 декабря 2003 года Синод Русской Православной Церкви принял решение

о преобразовании местного прихода в женский Казанский монастырь. Первой его настоятельницей стала монахиня Екатерина (Гаева).

...Этот старый снимок, под стеклом и в рамочке, висит у меня дома на видном месте. Я снова и снова внимательно рассматриваю его и ищу на нем... свою бабушку Юлию Ивановну. Она в начале 1918 года вернулась из переполошного Питера в родной Данилов, где и родила весной дочку Людмилу, мою маму. Бабушка, человек глубоко православный, не могла не знать о таком важном событии – о прибытии в город Патриарха Тихона и не могла 29 сентября, в день Ангела дочки Людмилы, не прийти в храм – через речку Пеленду, через сосновый лесок. Она где-то здесь, но как ее узнать – отыскать – молодую, красивую, радостную?.. А может, она и не поместилась в кадр – кажется, весь городок обратился тогда в паломников.

*г. Данилов,
Ярославская область*

Снимок собора – с сайта Даниловского в честь Казанской иконы Божией Матери женского монастыря

СКРЕПЫ

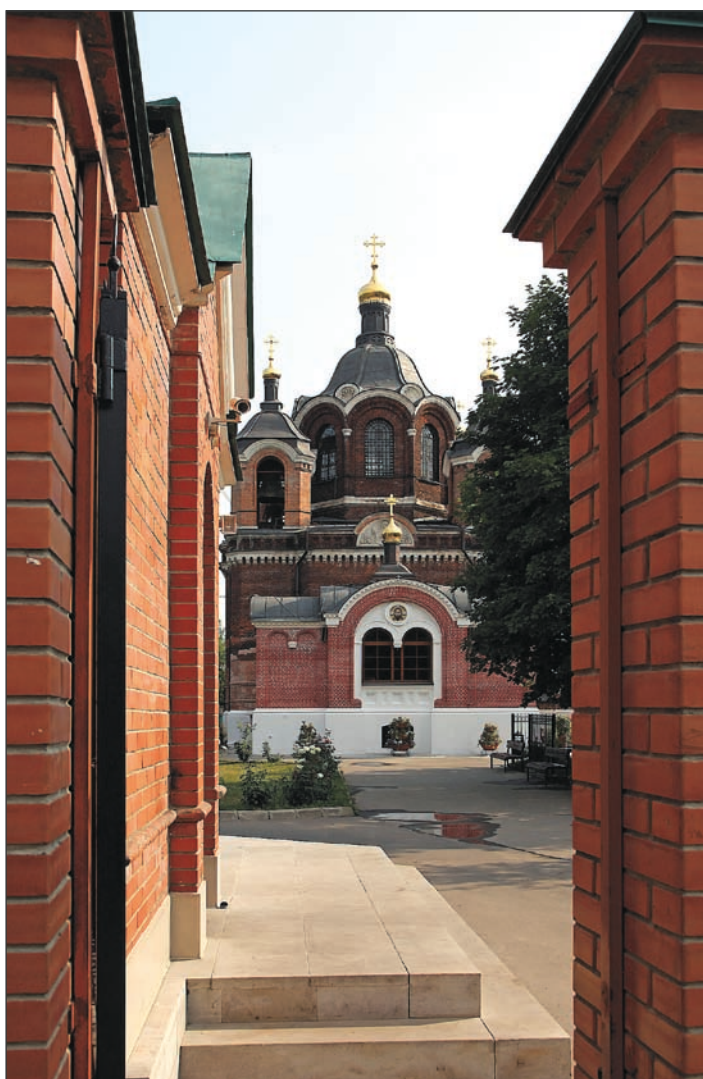
Желающий творить добро получает от Бога силу творить оное во всяком месте: и среди мира, и в безмолвии.

*Преп. Симеон
Новый Богослов*

Агапы по четвергам

В обычные рабочие дни в этом помещении мало кого увидишь: почти все на объектах, которых у строительного холдинга «Комфорт-Комплекс», надо сказать, немало. Подмосковье плюс площадки в самой столице – за неделю не объедешь. Но один день на неделе у всех особый. Ждут его всегда с интересом, стараются спланировать дела так, чтобы в обеденный перерыв оказаться именно здесь. Называют строители этот день в шутку чистым четвергом, хотя шутка и не так уж далека от истины.

Дело в том, что в холдинге уже давно стало традицией встречаться по четвергам с протоиереем Алексием Тимофеевым, настоятелем Никольского храма подмосковного села Озе-

Храм иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине

Мозаичные иконы Спаса и архангела Гавриила над входом

Никольская церковь с. Озерецкое Дмитровского района Московской области

Строительство крестильни при Никольской церкви

рецкое. Когда-то, в раннехристианские времена, подобные встречи назывались агапами*. Собирались единоверцы, делились своими мыслями, задавали вопросы, изучали творения святых отцов. Нередко это сопровождалось трапезой. Кто-то, наиболее умудренный опытом или облеченный саном, брал на себя роль духовного руководителя. В холдинге ею наделили отца Алексея, и он несет это послушание уже не первый год.

Когда в 1994 году возникла строительная компания, занимавшаяся ремонтом квартир, мало кто думал, что ее ждет нынешняя реальность. Но – к счастью! – кое-кто думал. Первые успехи, а они пришли благодаря исключительно высокому качеству работ, и первые прибыли не вскружили голову руководителям. Они не погнались за выгодными инвестициями в оффшоры, не стали убажывать себя развлечениями, а поступили по-евангельски – как верный раб, которому господин поручил распорядиться вверенным ему богатством. Организаторы компании, говоря современным языком, вложили всю прибыль в развитие собственного производства. В 2000 году в Мытищинском районе был приобретен земельный участок площадью 15 га для строительства, опять же по-современному, элитных коттеджей, куда через пять лет въехали новоселы.

* греч. – любовь

Страница в трудовой книжке когда-то безвестного ремуправления давно перевернута. Теперь это крупный строительный холдинг «Комфорт-Комплекс», название которого не по-рекламному, а в действительности отвечает сути. Холдинг выполняет весь комплекс строительных работ, учитывает все стандарты жилищного комфорта. Он обеспечивает и инженерно-техническое функционирование построенных объектов социальной инфраструктуры (школа, детский сад, стадион и др.).

Сегодня стратегия холдинга – малоэтажные дома экономкласса, то есть доступное жилье. В прошлом году был сдан в эксплуатацию поселок площадью 20 га. Аналогичное строительство ведется в Дмитровском районе сейчас. Что хочется подчеркнуть особо – трудовые отношения выстроены по схеме: заказчик – застройщик. То есть никаких субподрядчиков и иных посредников, что не только удешевляет строительство, но делает его более оперативным и подконтрольным.

Теперь, когда вы получили представление о холдинге и масштабе его работ, можно рассказать и о главном для данного случая сюжете. «Комплекс-Сервис» занимается большой благотворительной деятельностью, помогая Русской Православной Церкви. Строит и реставрирует церкви, воскресные школы, православные школы и гимназии при храмах, дет-

ские дома, просто напрямую помогает остро нуждающимся православным христианам.

Жаль, утратило свой изначальный смысл хорошее русское слово *доброхот*. Теперь его употребляют крайне редко, да и то с отрицательным оттенком. А ведь *доброхот* – это ведь тот, кто *охотно* делает *добро*. Так вот, *доброхот* всех названных и множества не названных дел – строительный холдинг «Комфорт-Комплекс», а чтобы было понятней нынешнему продвинутому народу – спонсор.

Благовещенский храм в Петровском парке. Мозаичная икона Спаса над входом

Мозаичные иконы Святой Троицы, свв. Космы и Дамиана за алтарем, Спаса над входом. Автор всех мозаичных работ – член Союза художников России А.И. Васильев

Храм свв. Космы и Дамиана в Космодемьянском

Ну а люди-то конкретные там есть? – спросите вы. Еще бы! Почему же не названо ни одно имя? Дело в том, что руководители холдинга строго-настрою запретили разглашать их имена, только при этом условии они соглашались на публикацию. Откройте Евангелие от Матфея, главу 6, стихи 3 и 4: «У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая, чтобы милостыня твоя была втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно». Здесь содержится все: и ответ на ваш вопрос, и секрет успешных дел этих людей.

СКРЕПЫ

Бог не требует, чтобы ты сверх силы своей делал добро ближнему; ибо Он говорит так: «Все, что может рука твоя делать, по силам делай» (Еккл. 9, 10).

*Преп. Варсонофий Великий
и Иоанн Пророк*

Даша. Перекупалась!

Елена Польштер

Золото креста над Коста-Рикой

На религиозной карте мира (существой таковая) нашлось бы место для обозначения православного храма и на территории этой маленькой страны. Коста-Рика. Чуть больше полусотни квадратных километров на перешейке между двумя Америками, Северной и Южной, с населением менее четырех миллионов человек и республиканским государственным устройством.

Главный редактор издающейся в Коста-Рике «Русской газеты» Елена Польштер (www.costaricaorthodox.org) любезно откликнулась на просьбу нашего журнала рассказать, как и чем живет православный люд в ее стране.

Начиналась наша православная община с двух человек – Николая Ивановича Захарова и его матери, Александры Алексеевны Поргин-Захаровой. По ее просьбе в 1994 году в Коста-Рику приехал служить о. Даниил Макензи, настоятель Свято-Владимирского храма в Майями. Чтобы служить всего для двух прихожан, в первые годы батюшке приходилось путешествовать на автобусе 8-10 часов по горным опасным дорогам. Постепенно в Сан-Хосе стали собираться русские и смешанные семьи. Многие из нас крестились, венчались и воцерковлялись в Коста-Рике.

Вспоминает прихожанка Любовь Анаскина. «У нас в доме батюшка служил много раз, я очень уставала, надо было приготовить дом для службы, организовать трапезу на 50-60 человек. Я готовила просфоры и ног под собой не чувствовала от усталости. Отец Даниил отправил меня отдыхать, а сам вместе с моими маленькими детьми вылепил и выпек из оставшегося от просфор теста фигурки птиц и животных, чем привел детвору в полный восторг».

Вскоре община была зарегистрирована в государственных органах Коста-Рики как Русская Православная Миссия в честь Покрова Пресвятой Богородицы. Мы начинали познавать основы не только Православия, но и приходской жизни.

С самого основания общины у нас была мечта построить храм, но финансовое положение наших людей часто было плачевным – только и хватало денег, чтобы выжить. Тем не менее потихоньку стали откладывать на специальный счет средства для покупки земли под храм. Николай Иванович ездил по приходам Северной Америки и собирал деньги. Земной поклон о. Даниилу за его многолетнее попечительство, терпение и молитвы о нас. Его высокий моральный авторитет среди прихожан во Флориде и других приходах помог ему привлечь пожертвования для покупки земли и строительства храма в Коста-Рике.

Батюшка очень любил нас и горевал о том, что мало делал для Коста-Рики, приезжая сюда лишь 2-3 раза в год. Всё остальное время приходилось каким-

то образом держаться вместе, проводить службы мирским чином.

В апреле 2006 года мы наконец смогли купить земельный участок – 2500 квадратных метров в одном из живописных мест г. Коронадо, в 10 км на северо-восток от Сан-Хосе. Местный архитектор Феликс Виллалобос безвозмездно, во славу Божию, создал проект, все инженерные расчеты и ведет наблюдение за строительством храма.

Вскоре после этого, в январе 2008 года, Коста-Рику посетил Преосвященный Владыка Гавриил Манхаттенский, прилетевший к нам специально для закладки первого камня. Владыка Гавриил переименовал нашу общину: она стала называться в честь Владимирской иконы Божией Матери. Тогда же он поставил во чтецы и иподиаконы одного из самых активных членов прихода – Родиона Арагона – и благословил его на обучение в Свято-Троицкой духовной семинарии в Джорданвилле. Об этом человеке стоит сказать особо, что без радостной помощи матушки Елены Арагон было бы невозможно.

Родион Арагон (Rodrigo Aragon) родился в Сантьяго, Чили, в 1966 году в традиционной католической семье. В семилетнем возрасте мальчик с родителями эмигрировала в Коста-Рику, где он и сестра получили начальное образование. В 19 лет Родриго получил возможность учиться в России, он окончил Московскую консерваторию по классу контрабаса. Вернувшись в Коста-Рику, стал работать в Симфоническом национальном оркестре и преподавать контрабас в музыкальной школе.

Отец Родион

Матушка Елена

Интерес к Православию у него возник постепенно. Часто он говорил, что его студенческая жизнь в Москве 80-е годы странным образом ни разу не пересеклась с Православной верой, он не повстречал верующих людей среди тех, с кем ему приходилось общаться.

Однажды, уже в Коста-Рике, в доме родителей своей жены, он встретился с уже знакомым нам о. Даниилом Макензи. Встреча произвела на него сильное впечатление. Его поразил не только внешний вид батюшки – старенькая, много раз штопанная ряса, – но его многолетняя семья, и его крепкая любовь к России: то, что, увы, не служит ни образцом, ни примером для обывателей в наше время.

Через несколько лет после той встречи, уже после крещения Родиона, супруги Арагоны стали активно помогать православной общине: Родион в качестве казначея, а его матушка, Елена, как регент церковного хора и помощница старосты.

Их дом стал базой общины: открылся для богослужений и собраний. Здесь крестились и венчались члены общины, ставились детские рождественские спектакли. В доме останавливались и служили Преосвященнейшие владыки Гавриил Манхаттенский, Иоанн Каракасский и Высокопреосвященнейший Владыка Митрополит Иларион. Много радостных моментов пережила община за эти последние годы ее консолидации.

Разумеется, далеко не все было благобно. Вспоминаются бесконечные хождения матушки Елены в муниципалитет за разрешением на строительство храма. Сколько раз ей доводилось слышать: «Приходите на следующей неделе!».. В конце концов, много месяцев спустя, Елена получила разрешение выступить в защиту нашего проекта на общем собрании муниципальных комиссий. И она выступила, да как! Через неделю, 14 октября 2008 года, в день Покрова Пресвятой Богородицы, община получила права на строительство храма.

Через три месяца после этого поистине великого для нас события, 20 января 2009 года, о. Родион был рукоположен в сан иерея, а в июне, завершив учебу, вернулся в Коста-Рику нашим приходским священником.

При о. Родионе наша церковная жизнь впервые обрела регулярность и упорядоченность. В пристройке к дому батюшка с матушкой сами построили

Крестный ход. 2010 г.

небольшую часовню, ставшую местом наших богослужений. Тогда же о. Родион начал, пожалуй, главное дело своей жизни – строительство первого на коста-риканской земле православного храма.

Батюшка очень много времени уделял костариканцам, интересующимся Православием; помнится его лекция о нашей вере перед большой аудиторией протестантов.

Радость служения, как ни горько, была недолгой: 11 января 2010 года о. Родион скончался от тяжелой болезни. Вечная память отцу Родиону! – за время своего трагически краткого пастырского служения ему удалось сплотить нашу общину своей неиссякаемой любовью и сердечным участием к каждому, прибегающему за пастырским советом и помощью. Уже смертельно больной, батюшка радовался каждому маленькому успеху в строительстве.

И вот они, зримые следы! К нынешней Пасхе закончен первый этап – фундамент, стены и крыша. В день Пасхи прилетели в Коста-Рику отец Даниил с матушкой Софией, чтобы не оставить нас без службы в такой праздник. Впервые в строящемся храме прошла служба с Крестным ходом.

К сожалению, в настоящее время финансы прихода совершенно истощены. Денег хватает только лишь на окна, двери и постройку изгороди вокруг церковного участка. Потолок, пол, электропроводка – следующий этап, а за этим последует необходимость украсить и расписать храм. Московская Патриархия обещала помочь с приобретением

церковной утвари. Год назад приход вел переговоры с Волгодонским комбинатом в России для того, чтобы приобрести у них купол для нашего храма. Постройка купола, пересылка его в Коста-Рику и установка стоят 50 000 долларов, огромная сумма для коста-риканской действительности.

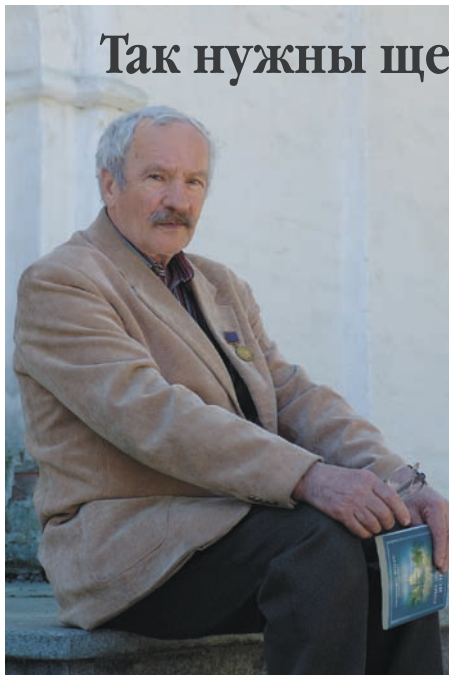
А ведь нужно еще решать вопросы первой необходимости. Большой церковный участок позволяет построить на нем хороший дом для будущего священника с примыкающей к нему трапезной, которая также будет служить местом для проведения собраний общины, уроков воскресной школы для детей и библиотекой. Постройка этого помещения будет стоить около 60 000 долларов.

А матушка Елена продолжает помогать приходу – нужно достроить храм, подготовиться к приезду нового священника. Хочется удовлетворить просьбы местного населения и создать на базе нашего прихода постоянную школу русского языка и катехизаторские курсы для взрослого населения, как русского, так и испаноязычного.

Бывают моменты, когда у нас опускаются руки, кажется, что мы самые грешные и недостойные люди и что по нашим грехам Господь оставил нас. Но вдруг, по Божию милосердию, непостижимым для нас образом появляется помощь, решаются неразрешимые вопросы, и вновь оживают надежды и мечты вокруг строящегося храма. И батюшка у нас будет, и воскресная школа, и храм мы достроим, и засияет купол с золотым крестом над Коста-Рикой!

Так нужны щемящие строки, абзацы, страницы...

Проза Виктора Лихоносова, его рассказы и небольшие повести – одно из тихих чудес русской литературы XX века. Редкий, быть может, единственный мелодист из живущих ныне писателей. Это будто о его рассказах говорил Афанасий Фет: «Звук – крылья слова».

Виктор Иванович Лихоносов родился 30 апреля 1936 года на станции Топки. Его отец, железнодорожный рабочий, погиб на фронте.

Мальчика воспитывала одна мама. Жили они на окраине Новосибирска. Там Виктор окончил школу и вместе с одноклассником Юрием Назаровым поехал поступать во ВГИК на актерский факультет. Назаров впоследствии стал народным артистом. Лихоносов уехал в Краснодар, где в 1961 году окончил историко-филологический факультет. Учителем работал в кубанских станицах.

Первый его рассказ – «Брянские» – был опубликован в 1963 году в журнале «Новый мир». «Проза у него светится...», – говорил о Лихоносове тогдашний редактор журнала Александр Твардовский. В 1967 году вышел сборник рассказов Лихоносова с предисловием Юрия Казакова.

Казаков заочно познакомил молодого провинциального учителя и начинающего писателя с великими стариками эмиграции – Георгием Адамовичем и Борисом Зайцевым. Адамович писал

Д а лучше мы век будем сдавать бутылки из-под кефира, но зато в редкие свидания мы потянемся пешком в Верею, в Боровск, вдоль Протвы-реки, любясь старой русской окраиной и чистыми детскими лицами, опять жалея об одном: о том, что мало отпустил Бог таланта, чтобы с древней широтой и удалостью воспеть то, чему мы молились...

В. Лихоносов. «Люблю тебя светло». 1968 г.

Лихоносову в Краснодар: «Мне не только понравилась Ваша книга, нет: я очарован ею... И вообще в Вашей книге – жизнь со всей загадочностью, прелестью, грустью... У Вас редкостное чувство русского прошлого, природы, людей...»

В 1969 году Г. Адамович напечатал повесть Лихоносова «На долгую память» в газете «Новое русское слово». С тех пор и до начала перестройки Лихоносов стал невыездным.

Он много ездит по России, как в молодости, жадно, доверчиво слушает и старых друзей, и случайных попутчиков. Эти поездки, давая силы, в то же время наполняют грустью – слишком быстро рушится тот тихходный и основательный уклад, что столетиями позволял и при всех социальных бурях сохранять сердцевину русской жизни. «Я везде езжу и прощаюсь с русской землей...»

Что же остается? Пожалуй, лишь книги и дети. Куда бы ни приезжал Лихоносов, он везде старается навестить местную школу. Никогда не уклоняется от встреч со школьниками. **Сказывается тоска по учительской молодости?** С этого вопроса и началась наша беседа с Виктором Ивановичем.

– Нет, какая тоска! У меня же с детства, с войны, – плохо со слухом, и мне было трудно работать в школе. К тому же я не знал и не любил методик. Я ставлял ребят учить наизусть строчки из летописей «Се повести временных лет, откуда есть пошла Русская земля...». И за то, что прочитали, ставил пятерку.

Вообще, быть учителем – страшно тяжелая штука. Потому что ты должен иногда шесть часов подряд рассказывать. И так всю жизнь! И можно быстро потерять чувство свежести. Я

вообще не люблю повторяться. Когда встречаюсь с ребятами, каждый раз стараюсь искать другой ход, другой ключик.

– А где же учителю каждый раз находить ключик?

– Это невероятно трудно. Вот вспоминаю нашу учительницу литературы Антонину Ивановну Гитченко. Она вдобавок к программе читала нам «Флаги на башнях» Макаренко. То читала, то пересказывала. И нам почему-то было так интересно...

– Хотя это не очень большая литература...

– Зато живая. Извините, это в некотором роде неумирающая книга, вечная. Там нет намеренного сочинительства. Художественно... сочиняла сама жизнь. В наше время много талдычили про социальный протест. А это детям неинтересно совершенно – кто чье зеркало, кто что отражал, кто кого притеснял, типические черты...

Идти надо от *родного*. Прочитайте на уроке отрывок о матери из «Жизни Арсеньева», а потом об отце, это уже в конце романа Бунина. Но перед этим поговорить надо с ребятами: ну как у вас, бабушки у всех есть, мамы?... А вот Иван Алексеевич уехал, родину потерял, тосковал. Думал: где там могила матери, ее и не найдешь теперь. Вот посмотрите, как он писал, и сколько в этом музыки, грусти, нежности, поздних слез.

Важно не просто вспомнить биографию Бунина, а душой приклониться к тому, о чем пишет Бунин. Учитель на уроках русской литературы должен стать родителем. Поменьше долдонить, а побольше вслух детишкам читать, просто представлять эту красоту художественной литературы, этого мира русского. Если сам учитель не обладает таким талантом, то можно использо-

вать технические средства – теперь и диски есть замечательные.

А таких строк чудных, как у Бунина, очень много в русской литературе. Они и у Толстого, конечно, есть. И если говорить о любви, то, может, из «Двух гусар» взять, страницу-полторы прочитать.

Сейчас, как это ни парадоксально, православной литературы стало меньше.

– А как можно определить – что это за православная литература?

– Это определяется сердцем. Ты читаешь и чувствуешь что-то затаенно чистое, тихое, крепкое духом. И это вовсе может быть не о Церкви и не о священниках. Ну, вот, повторюсь, прочитайте два абзаца о матери в «Жизни Арсеньева» – это же чисто православное русское чувство. Столько души... Я думаю, в западной литературе нет такой музыкальной нежности. Вот с этого все и начинается – с музыки.

– С колыбельного звука...

– Да, есть что-то, чего не объяснишь.

– Чувство тайны – оно очень творческое. Может, и не надо все объяснять, все раскладывать, все анализировать...

– Вот почему по радио не читают рассказ «Косцы» Бунина? Два-три абзаца хотя бы. Там как раз об этом – о том, что когда есть чувство тайны – то ничего и не надо объяснять словами. Самое заветное у нас в школе пропускают. Иногда думается, что *литература опереживания* закончилась.

– И все-таки: литература в России больше чем литература?

– Увы, нет. Мир книги не спас ничего. Ну, как, казалось бы, любили литературу еще лет двадцать назад, как собирались на вечера, на дни поэзии – и все рухнуло в один миг! Ведь не строй только рухнул, а жизнь, ее ценность рухнула.

– Но люди, наполнившие храмы, – они же не с Луны свалились...

– Я думаю, это как раз те люди, которые наших книг не читали. Они просыпались и засыпали с Евангелием, со старцами Оптиной пустыни, их сильнее всего тянуло не в литературный Коктебель, а на Соловки, в Саров, на

Афон. Эти читатели выше тех, которые, помните, собирались в телестудии Останкино на вечера «острых писателей»...

– И все-таки я убежден, что зерна в душах людей были посеяны еще в 1960-1970-е годы и, прежде всего, деревенской литературой.

– Люди от несчастий, от горя стали в церковь ходить. А литература просто провалилась. Не провалилась лишь та, которая учила отрицанию, будоражила, она победила, хотя такого уж прямого воздействия не имела. Она просто потихоньку разлагала. А я был воспитан на другом. Меня Паустовский, Пришвин, Сергей Никитин, Юрий Казаков приучили со студенчества, что искусство это красота.

– А круг своего детского чтения Вы помните?

– Какой круг? Я в футбол играл, книг не читал. Правда, театром интересовался, дневник пытался вести. Сейчас на встречах в школах всегда прошу ребят: ведите дневники хоть пустячковые. Мама, бабушки – они же стареют. Пишите-пишите, пока они живы! Что бабушка рассказывала, что она попросила, как она ругала вас. Вот ты набегался, вернулся домой, бабушка тебя чаем напоила, так ты так и запиши просто: «пили чай с бабушкой». Пройдет время, и любой пустяк трогателен и дорог будет.

– Про свою жизнь Вы можете сказать, что это путь к вере?

– Не знаю, громко это так о себе говорить... Трудный это путь. Я никогда не был отрицателем, был советским человеком. Меня вела бабушка, но не буквально за руку, а просто я видел, что она молилась. С мамой сложнее. Когда убили отца, она как-то обиделась на Бога.

А потом путь этот шел через литературу. Летописи, святоотеческие тексты – они очень сильно питали меня... Я погружался туда, а там все было родным и близким. Я полюбил старину, а старина – это православный мир.

Будучи молодым и легкомысленным, я редко посещал церковь, молился, лишь когда роман писал, и то не всегда, на исповедь не ходил... Сложно все...

– Когда бываете в школах, что читаете в глазах молодых людей?

– Да что читаю – милые, хорошие ребята, особенно девочки. Мне даже не надо, чтобы они откликнулись как-то словами, говорили что-то, – я все по глазам вижу. Как они слушают! Эти дети гораздо чище, чем те, которых показывают по телевидению или чем то, что пишут о них в газетах.

– А чего-то от русской литературы они еще ждут?

– Не знаю, чего они ждут. Я только что ездил на родину Константина Леонтьева, в Калужскую область, где он родился. Выступал в Калуге в институте, рассказывал, как ездил к Бунину в прошлом году. Про Бунина они слышали, по крайней мере. А о Леонтьеве, который родился с ними на одной земле – великий человек! – не слышали. Я считаю, что в школе надо больше говорить не об отрицателях русской жизни, а о людях, которые хотели Россию сберечь, – к примеру, о славянофилах. Это же родные, поистине родные люди. Они даже в критике страны, общества, императора оставались глубоко родными этой тысячелетней русской жизни.

– А будь Вы сейчас учителем, что давали бы детям в первую очередь?

– Я читал бы детям «Поучения Владимира Мономаха». Я бы ввел в их душу этот напев родной. Не стало напевной музыки, той, что я слышал в детстве. Про уральскую рябинушку и всякие нежности. «Услышь меня хорошая, услышь меня красивая...» Во дворе у нас всегда крутили пластинки: Лемешев, Русланова... Вот надо вернуть этот родной напев с помощью строк, разговоров, с помощью музыки и видеоряда. Сейчас так нужны щемящие строки, абзацы, страницы и, может, целые произведения. Пронзительности – вот чего не хватает сегодня русской литературе.

Борис Константинович Зайцев, бежавший из России от большевиков и живший в Париже, один из самых светлых русских писателей, все время повторял: «Грешны, грешны перед Россией...» А мы считаем: грешен кто-то, но не мы. У нас во все эти последние годы нет покаянного чувства перед своей родиной.

Виктор Лихоносов

В ДОРОГЕ*

Тогда ехал я с юга, с дремного кавказского побережья. Джанхот был прекрасен, но весь месяц я что-то томился, мечтал уехать куда-то. Я устал от жары, от неожиданно свежих вечеров, когда по-над морем или в кустах белеют мужские рубашки, из дома отдыха слышна музыка, берег тенист и звучен от волн, а море плоско поблескивает, заполняет собой все пространство, звезды колются над горизонтом, и ты смотришь, думаешь, и кого-то тебе надо бы рядом...

После моря и заслоняющих гор хотелось прохлады, темноватой дневной зелени, речек, широты и далекости ровных русских полей. Изредка, просыпаясь в поезде, покуривая и выглядывая с полки в узкую створку окна, я мимолетно вспоминал Джанхот и видел дачу Короленко, узкий тальковый берег, высокую дорожку наверх и прозрачное марево в турецкой стороне. И еще Люсю, робкую девушку, очень милостивую и нежную, всю точно ленивую в своей нежности, в свободно опущенных, тонких и гибких, как пру-

* Отрывок из рассказа «Когда-нибудь»

тля, руках, во взгляде, в том, как она шла по жаре с купанья и словно чувствовала мой взгляд на себе и знала, что я завтра уеду и, может, больше не встретимся.

– Уезжаешь? – сказала она, когда я попался ей у ворот. – Куда?

– Далекое, – ответил я.

– Ну что ж... – взглянула она обидчиво. – Счастливо.

«Не обижайся», – хотел сказать я.

Вечером за Россошью нас долго не отправляли с какой-то маленькой станции. Я ехал в последнем вагоне. Весь я был настроен на одно, и то, что жило и шумело под боком, не задевало меня, не занимало, как прежде, а всякие глухие полустанки, вид оставшихся за вагоном окрестностей, темное поле под откосом, его запах, чувство необозримого в засыпающей густоте ночи простора и песни из репродуктора в палисаднике близко и тонко отзывались во мне. Откуда вдруг приходит такое? Откуда приходит стеснительное чувство любви к жизни, к ожиданию редких мгновений и проезжим тихим местам? Пели на русский манер – протяжно, с тоской, и что-то народное, местное, и пели так, что поневоле увидишь перед собой речку, вечер, копны и все полевое, деревенское, зовущее...

В конце ночи я застал прохладный рассвет. Туман белыми ключьями вспухал над водой, и было похоже, что речка дышит со дна паром. Стукнулся и пролетел мосток.

– Подъезжаем, – сказал кто-то спросонок.

Когда же я снова проснусь в вагоне?! Когда же я сойду на рязанской

станции и, уже что-то переживший, в чем-то переменившийся, вспомню и тот август и себя? Когда?

Снится мне этот простой двухэтажный вокзал и древний пыльный город, где я в босоножках, в пиджачке и с саквояжем бродил до обеда по улицам, смотрел, спрашивал и по-детски удивлялся, как все привыкли и не замечают, не волнуются вместе со мной. Вот над рекой, над пристанью, легкие главы собора, спуск, женщины после базара, их разговоры и мой восторг, мое нетерпение услышать почему-то старую рязанскую речь, увидеть такое, чего нет и не может быть где-то. Каким я тогда был! Таким больше не быть, и, верно, не то переживу я теперь, не так буду оглядываться, не постараюсь вызвать в себе каких-то совершенно особых, непритворных, но обожаемых чувств! И что же будет, чему поклонюсь, чем удивит меня жизнь уже в мои скорые тридцать лет?

Я сразу притих, сосредоточился и ждал, ждал чего-то.

На пристани я читал расписание, и старорусские названия остановок тоже бередили мое сердце.

Неповторимо было все, и долго потом вспоминал я день на пристани и всякий раз затихал душой. Я тогда ни на минуту не забывал, куда еду, и все, как нарочно, совпадало с моим настроением. И вот уже опять август, пестро выстилаются полевые дороги, а я все еще не могу собраться в луга, через столько лет, хотя и не века же прошли с тех пор, но все равно кажется, что и не со мной это было.

Тот день выдался хмарным. После обеда припустил дождь, заволакивая берега, собор и повороты Оки, откуда поджидали катер. Женщины сначала галдели, закусывали, а к приходу катера скучно томились под крышей в проходе и накликали погоду. Куда-то им надо было, где-то ютились их деревни, и дома их ждали, и все им было привычно. А мне было все ново, никто меня не встречал, не к кому идти ночевать, и я этому радовался, гадая

о деревне, о себе в ней. Почему-то виделась она мне без огней, с густыми деревьями и старинным укладом, чудились опять песни, такие, как вчера на станции.

Уж не подумаю я об этом теперь, и только чувства, наверное, вернуться, напомнятся, неожиданно найдет настроение.

От пристани катер отошел после дождя. Небо не успело проясниться. Ока кружила на виду куполов, и вскоре купола отделились, присели к земле. Я сидел на палубе, раскинув руки по спинке скамейки, оглядывался на повороты, на лодки, на копны по самому берегу. Я глядел на незнакомые окрестности, о которых до сего времени только слышал, и думал о прошлом. Ока все кружила и кружила, потом вдруг всплеснула радуга, и я наперед уже знал: не забыть мне по молодости ни лугов, ни пристаней, ни копен, ни себя, ни редких ночных огней и домишек на косогоре, где мы сворачивали перед тем, как пристать на место.

Как хочется вернуться той же дорогой!..

1965 г.

«Хочется вам сказать что-то такое ласковое, хорошее...»

*Из выступления Виктора Лихоносова в школе города Щёкино
(Тульская область), сентябрь 2008 года*

– Все говорят, что дети сейчас не читают, дети такие-сякие, но на вас посмотрите – да вы такие же, какими и мы были когда-то. Это вас телевидение извратило совершенно. Вы чудные дети, и это мы, взрослые, виноваты, что не даем вам хорошие книги. Хочется вам сказать что-то такое ласковое, хорошее...

...Мне вот видите как много лет, а без матери я чувствую себя сиротой. У меня семья, внуки, а мне все время не хватает матери. Так меня воспитала жизнь и литература. Так воспитал Толстой, так меня воспитал Бунин. Это мой любимый писатель, может, я потому-то и стал писателем, что когда-то прочитал его. Бунин вошел в меня как музыка, как песнопение. Я так люблю его музыкальную прозу. «Жизнь Арсеньева». И вот там в двух местах есть о матери, а в конце – об отце. Без слез я не могу это читать. Его вдова Вера Николаевна когда-то прислала мне свою книгу «Жизнь Бунина» и надела «...с пожеланием навестить наши места». А я, грешник, долго не мог выбраться и только недавно побывал в Ельце и в Озерках.

Я все это веду к тому, что я живу виной перед матерью, что я уехал так далеко учиться и оставил ее одну, что и потом мы жили поближе, но она в Пересыпи, а я в городе. И столько лет я ехал в родную деревню! Писал роман о казаках, изучал их родословие, я все узнал про Кубань, а в деревню матери не мог собраться! И мать не свозил туда. Это Бутурлиновский район Воронежской области, село Елизаветино. Бутурлиновка – маленький городишко, поставлявший сапоги в царскую армию, – здесь мог бы родиться я.

Когда-то маму из этой деревни сорвал голод и коллективизация. Я чувствую себя почти преступником. Только в 2005 году я посетил эту деревню и стал искать дом, где она жила, и я ничего не нашел, никто мне не подсказал, потому что никого уже из древних ее современников на свете там не осталось.

У меня такое ощущение, будто я долгие годы жил за границей и вот напоследок вернулся поискать деревню, которую запомнил по рассказам матери и бабушки. Неужели по этой улице и мать, и отец прыгали маленькими, потом гуляли молодыми, ходили в церковь, на вечерки?..

Я все это вам, милые, говорю для того, что вам предстоит долгая-долгая жизнь и все будет в вашей жизни, кто-то из вас и Щёкино покинет. Некоторые молодые сейчас почему-то уезжают жить за границу, покидают родину – она кажется им немилрой, небогатой. Некоторые никогда не вернуться. И поэтому я вас предостерегаю: берегите себя, берегите своих родителей, берегите бабушек и дедушек, сестер и братьев. А то потом всю жизнь будете каяться в тех ошибках, которые совершите в молодости.

Я желаю вам читать книжки. Не подумайте, что мы такие зануды, но запомните слова: любите русскую литературу. Вас совесть должна грызть, если вы не читаете Толстого, Чехова, Бунина, Шолохова и других замечательных русских писателей.

Будьте счастливы, будьте здоровы!

Дмитрий Шеваров

Жданочка из Серговки

На протяжении полувекa художница рисует жителей одной деревни, но, глядя на ее картины, кажется, что перед нами проходит вся Россия.

И вновь я увидел деревню, ладно разбросанную по берегу реки, и необъятные леса, и дивное полукружье горизонта. Все это – на фотографии, которой открывается альбом вологодской художницы Джанны Тутунджан. На фоне неба – авторское посвящение: «Всем, кто жил и страдал на своей прекрасной Земле».

Однажды летом я ходил под этим небом вместе Джанной Таджатовой, и теперь, как наступает июль, тянется душа в деревню, которую сами ее жители ласково зовут Серговкой. И с надеждой Дюймовочки смотришь на ласточек: может, возьмут с собой в Кокшарию?

Нет такой страны на карте, но есть такая земля на севере Вологодчины, где люди называют себя кокшарами. Есть река Кокшеньга. И есть у этой чистой северной страны свой летописец – Жанна Тутунджан. Вот уже скоро полвека как ее южное имя здесь так же привычно слуху, как местные названия Шевденицы да Хавденицы, Тюреберь да Мадовицы...

В самом начале 1960-х годов в Вологду приехала чета молодых художников, выпускников Суриковского института. Николай Баскаков – из Кадникова, маленького вологодского городка. Жанна – москвичка. (Джан – в тюркских языках – душа.)

Вскоре они купили домик в деревне Сергиевской, куда приплыли по Сухоне на

Жданочка

самодельном плоту. Деревня и поныне жива именем преподобного Сергия (в то время как в округе от многих деревень остались лишь одни слабые воспоминания).

Почти уже полвека Николай Владимирович и Жанна Таджатовна живут и работают в Сергиевской с весны до глубокой осени. Здесь росли их дети и внуки. Здесь, на высоком берегу Сухоны, Тутунджан создала, на грани изобразительного искусства и литературы, удивительную галерею крестьянских портретов и неповторимых «картин-разговоров».

Художница, рассказывала мне: «Рисую людей в далеких деревнях, я буквально страдала от того, что, кроме меня, никто не слышит, как они говорят! Потом я стала писать рядом с рисунком то, что слышала от них... Я не говорила сперва, что рисую, – говорила: песни собираю. Как-то в деревне Сметанинской старухи для меня водили хоровод и пели: «Плыла лебедь с лебедятами, со малыши со дитятами...» Я сижу, пишу, а они, слышу, говорят: «Девки, кончай петь-то, бабу растравили, ведь сидит, ревит...»

Художницу в Серговке сразу стали звать Жданочкой. О том, как встретили ее в деревне, вспоминает местная жительница Декабрина Шалашова (в письме к вологодской журналистке Нине Веселовой): «Прошел слух по деревне – художница к нам приезжает, летом жить будет, рисовать людей наших, дома. В большую перемену бегали всей школой смотреть на нее, как на диковинку. Незнакомых людей мало тогда в деревне бывало, не только телевизоров не было, радио не в каждой избе услышишь. К нам как-то фотограф в школу пришел, так мы его чуть не затоптали! А тут – художница, да еще с нерусской фамилией – как не посмотреть!.. Но пришла осень, и она уехала. Обидно всем стало – не понравились ей наши дома... А между тем опять пришло лето, и снова волна разговоров: приехала-таки! Помню, делает она наброски с отца, а он сети вяжет. Тут я из школы прилетаю, такая разгоряченная – обедать пора! И засобиралась вдруг художница домой, никакие уговоры поесть с нами не помогли – и то у нее не сделано, и это она забыла, и молоко в печке стоит... Ушла. «Вишь, какая стеснительная да скромная», – говорит мама. Такой Жанна Таджатовна и осталась у меня в памяти до сих пор. А когда Тутунджан стала делать с меня первые наброски к картине «Молодая», я ей говорю: «Вот все

Жанна в детстве

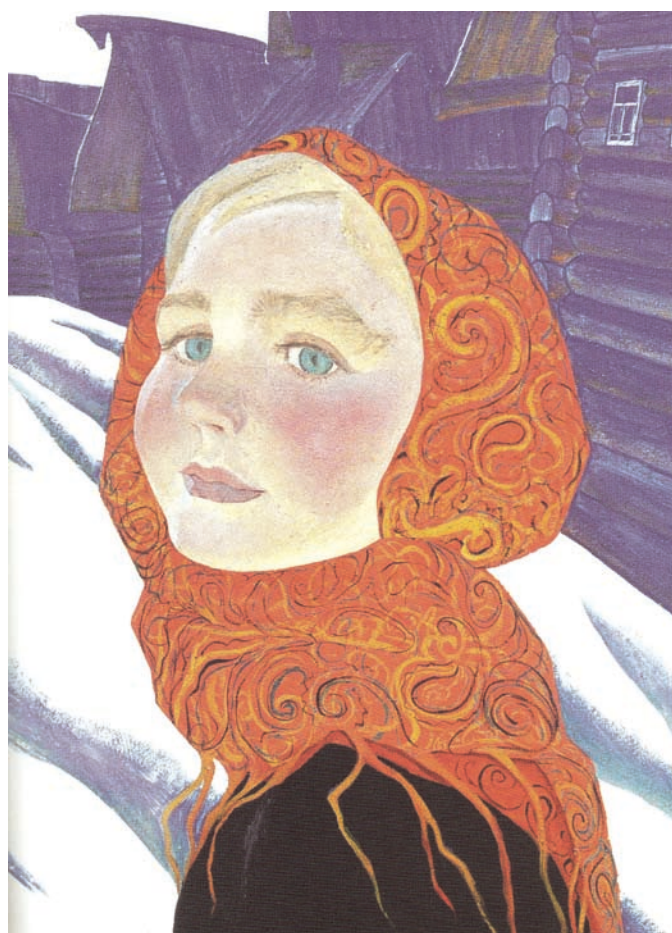
художники красивых рисуют, а я вроде бы некрасивая, почему вы меня выбрали?» – «Ты еще не знаешь, какая ты красивая!» – улыбувшись, ответила она мне...».

Мудрые старики в окладах седых бород, старушки-брусничины в белых платках, молодухи-красавицы и горестные вдовы, мужики-правдонскатели и детишки малые – вся-вся деревня уместилась на картинах Тутунджан. Вся на открытой ладони, с доверчивостью смотрит на нас. И отчего-то страшно этой доверчивости, этой беззащитной открытости...

Красота народной души не всякому художнику открывается. Тут мало таланта, усердия, славы. Тут необходим дар видеть Божественную красоту в привычном, малом, близком. То, что блестит, люди и так заметят, а ты открой человеку глаза на дивную красоту примелькавшегося проселка, на поэзию тропинки, сбегавшей к реке, на узорочье полевых цветов, на тишину и мудрость материнского лица... Увидеть и запечатлеть все это дано лишь тому, кто пишет не одним лишь красками, а чистым, благодарным сердцем, не знающим гордости. Тому, кто сам умеет *страдать* (это корневое русское

Первенец, 1994 г.

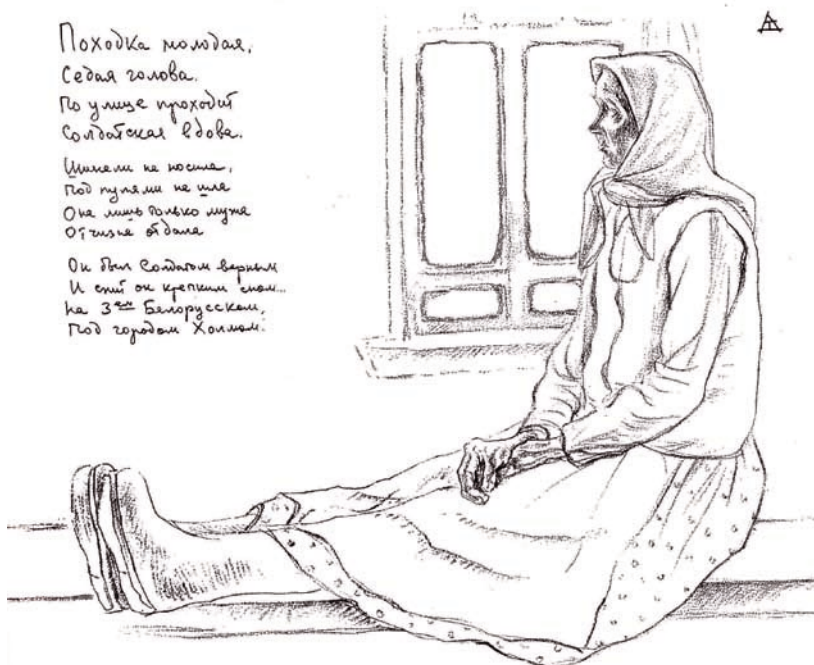

Молодая, 1968 г.

Настя и Господь

Походка молодая,
Седая голова.
По улице проходит
Солдатская вдова.
Шинели на носки,
Под пальцами не шлеп,
Она лишь только шуршит
От тиски обдама.
Они были Солдатки верные
И стили они крепкими стали,
На 3^{ей} Белорусской,
Под городом Холмском.

В песне – вся жизнь

Снежный май

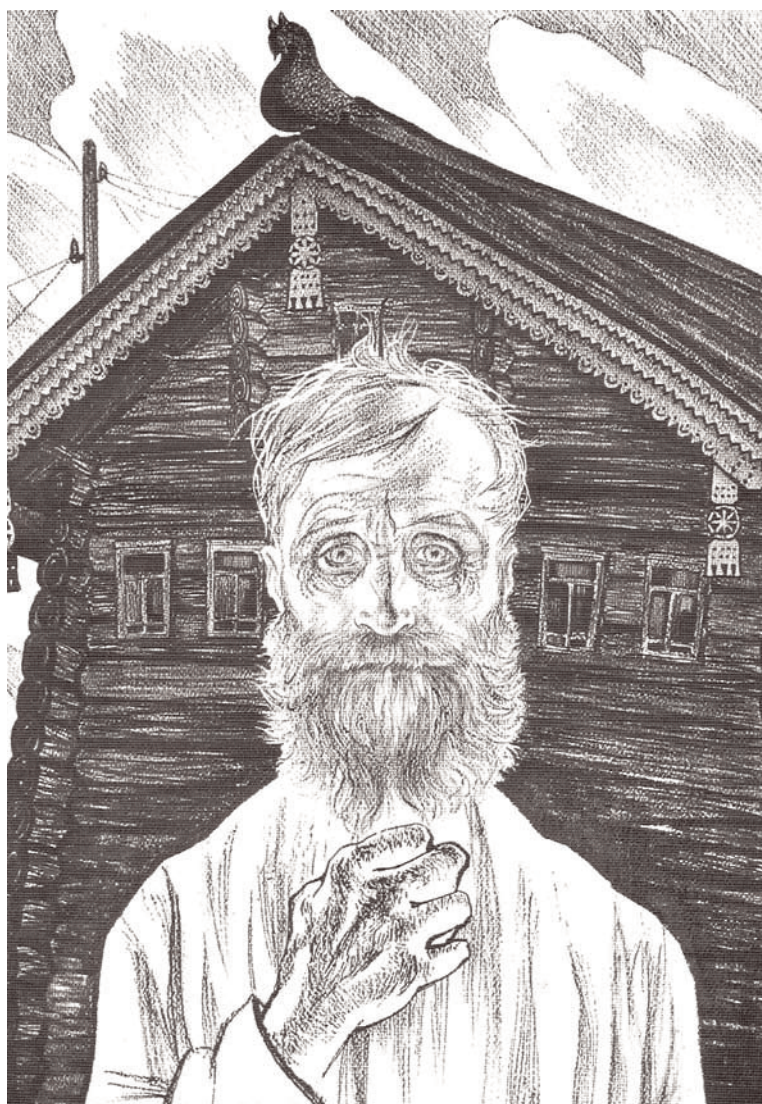
Привет из леса. 2001

Андрюшины фиалки

Если всё рассказать...

Старый конь

Вороненок

слово означает по Далю «усильно трудиться»), кто умеет поклониться земле-кормилице.

Работы Тутунджан по чистоте и светоносности красок, по нежности и духовной наполненности образов можно сравнить с крестьянской серией знаменитой Зинаиды Серебряковой. Вспоминаются и Алексей Венецианов, и «Уходящая Русь» Павла Корина. Но при всем этом Тутунджан несравненна, ее картины образуют свой мир, где каждая работа — как строчка в гениальном стихотворении, ее нельзя выдернуть из контекста.

Удивительно и таинственно, как Тутунджан владеет белым цветом —

некоторые ее полотна целиком исполнены в белоснежной гамме, будто погружены в свет летних северных ночей. Когда-то на Руси впервые в такой светлой гамме работал на севере великий Дионисий.

Не только ее картины, но и она сама крайне редко появляется «на людях». Чурась всякой опеки, всяких подсказок, что ей рисовать, а что нет, художница всегда работала без оглядки на модные «тенденции».

В России по какой-то недоброй традиции признание приходит к настоящим художникам с огромным опозданием.

Боюсь, что и в самой Вологде власти не до конца понимают, какого художника им Бог послал. Иначе давно открыли бы постоянную экспозицию работ Тутунджан, чтобы и вологжане, и всякий приезжий могли всегда прийти туда, отогреться сердцем, прислониться душой к деревне Сергиевской.

Одна из моих любимых у Джанны картин называется «Ожидание». Будем ждать с надеждой, смотреть на мир светло и ясно.

Родилась в Царском Селе 7 октября 1934 года. Семья Матвеевых жила там бедно, но была счастлива. Папа и мама больше всего на свете любили читать книги о приключениях и путешествиях. И вот какие удивительные имена они дали своим детям: Новелла, Роза-Лиана и Рюальд.

А потом – война. Семилетняя Новелла стала слепнуть от голода и попала в госпиталь. Там ее лечили сырой морковкой, и она вновь стала видеть. В госпитале она прочитала «Тома Сойера» и написала первые стихи.

Окончив школу, работала в детском доме пастушкой. А в 1959 году стихи юной поэтессы стала печатать самая добрая и талантливая в ту пору газета «Комсомольская правда». Новелла иногда, проводив свои стихи в типографию, ночевала в редакции на диване, потому что на дворе была уже ночь.

Вскоре стихи и песни Новеллы Матвеевой узнала вся страна. Нет, по телевизору ее не показывали. Просто песни, которые она пела под гитару в кругу друзей, записывали на магнитофон, а пленки с записями разлетались потом по всему Советскому Союзу.

Голос у Новеллы Николаевны негромкий, скорее – тихий. Но он очень чистый и при этом – таинственный. Под песни Матвеевой и руки, и ноги, и мысли – всё в тебе устремляется к добру. И всё вокруг начинает ладиться.

Живет Новелла Николаевна в старом центре Москвы. Из ее окна видны крыши соседних старых домов. В метельные вечера, когда снег стирает острые углы и свежим войлоком подбивает косые подоконники, крыши выглядят одной холмистой дорогой.

Д. Ш.

Новелла Матвеева

В ЛЕСУ

Маленькому
Лёше Ануфриенко

Я с утра в лесу гуляю:
От росы я весь промок,
Но зато теперь я знаю
Про берёзку и про мох.

Про малину,
Ежевiku,
Про ежа и про ежиху,
У которых за ежат
Все иголочки дрожат.

ВСАДНИК

Ехал Ваня на лошадке –
Цок-цок-цок,
Цок-цок-цок...
Потерял свои перчатки –
Цок-цок-цок,
Цок-цок-цок...

Стал перчатки он искать,
Стал с лошадки он слезать, –
Он искал, искал перчатки,
А перчаток не видать!

Ищет, ищет – не находит...
Цок-цок-цок,
Цок-цок-цок...
В поводу лошадку водит –
Цок-цок-цок,
Цок-цок-цок...

Ищет Ваня на лугах,
На зелёных берегах, –
А Ванюшины перчатки...
У лошадки на ногах!

– Не пушу! Не пройдёшь! –
Отвечает дуб. –
Ты с дуплом-то хорош,
А с ветвями – груб.

Сколько сбил, поломал
Ты моих ветвей!
Сколько листьев сорвал
С головы моей!

Много места, поди,
В поле да в степи.
Там шуми,
Там свисти,
Там себе и спи!

Рассердился, дохнул
Ветер с высоты
И рывком
С дуба сдул
Все его листья.

И уж так разбросал
По краям дорог,
Что потом
Даже сам
Их собрать не мог.

СКРЕПЫ

Чего себе не желаешь,
того и другим не делай – это золотое правило.

Схиизгумен Иоанн,
валаамский старец

ДУБ И ВЕТЕР

Дерзкий ветер летел,
Дым хватал из труб,
Он летел,
Шелестел,
Налетел на дуб.

– Здравствуй, дуб!
Будь мне друг!
Где твоё дупло?
Говорят, у тебя
Там, в дупле, тепло.

КОРАБЛИ-ИГРУШКИ

С канатами, дрожащими, как струны,
В порту стояли кукольные шхуны.
Покачивали мачтами устало –
Их буря в океане укачала.

Подплыли к ним четыре бригадины,
Их мачты были тоньше паутины!
Четыре корабля, четыре трюма,
И в первом трюме – добрый фунт
изюма!

А в тёмной глубине другого трюма
Сидела в клетке маленькая пума,
А в третьем – два игрушечных паяца,
Сидят впотьмах, а выглянуть – боятся!

Известный кот сидел в четвёртом
трюме, –
Надменной кока, боцмана угрюмой;
Он видел все четыре части света,
И всё на нём матросское надето!

С канатами, дрожащими, как струны,
В порту стояли три-четыре шхуны;
Покачивали мачтами устало, –
Их буря в океане укачала...

СИНЯЯ ЧАШЕЧКА

С беленьким дном,
Синяя чашечка
С тёмным пятном,
Думаю, думаю,
Глядя в окно:
«Чудо! Откуда
На чашке пятно?!
Может быть, это пятно неспроста?
Может, у чашки душа не чиста?»

Вот моя бабушка.
Все говорят:
Бабушка – золото,
Бабушка – клад!
Моет посуду,
Стирает бельё, –
Пятен на совести
Нет у неё.

...А у меня на душе не одно
И не второе по счёту пятно.
Хоть бы его керосином свести!
Хоть перочинным ножом соскрести!
Прошлого я вспоминать не хочу
И про вчерашние пятна молчу.
Эх... Но сегодня, хоть я ещё мал,
Всё-таки целую парту сломал!
А у подобных ломателей парт
Совесть пятнистая, как леопард.

Синяя чашечка с беленьким дном,
Чашка-бедняжка
С печальным пятном.
Видно, пятно на тебе неспроста:
Видно, душа у тебя не чиста,
Видно, на совести тоже разбой.

Что же мы делать-то будем с тобой?

КУВШИНЧИКИ

Кувшинчики шли
На родине за водой –
Зелёный, Серебряный, Золотой.
Кувшинчики шли на родник за водой
И были при этом полны добротой.

Прошлись по жаре, постояли в тени,
Воды в роднике зачерпнули они,
Потом повернули свой нос на закат
И стали – гуськом – возвращаться
назад.

И стали – втроем – возвращаться
домой,
И первый кувшинчик был полон
водой,
И – так же – второй
был наполнен водой,
А третий был полон... одной
добротой!

ПТИЧЬИ НАРЯДЫ

Снегирь сидит на ветке
В розовой жилетке.

А дятел в ярко-красной
Шапочке атласной.

Вдали мелькают сойки –
Синие ковбойки.

И даже мухоловки
Имеют обновки.

Лишь соловей, ребята,
Одет небогато.

Но кто про это судит –
Тому он петь не будет.

ПОПАЛСЯ

Паук на тёплый ветер
Забросил невода,
Наверно, не заметил,
Что ветер – не вода.

А листик, пролетая
И глядя, где бы сесть,
Как рыбка золотая,
Попался в эту сеть.

ПЕСНЯ О БУМАЖНОМ КОРАБЛИКЕ

(из фильма

«Еще раз про любовь», 1968)

Я мечтала о морях и кораллах.
Я поесть хотела суп черепаший.
Я шагнула на корабль, а кораблик
Оказался из газеты вчерашней.

То одна зима идет, то другая.
За окошком все метель завывает.
Только в клетках говорят попугаи,
А в лесу они язык забывают.

А весною я в разлуки не верю,
И капли не боюсь морозящей.
А весной линяют разные звери.
Не линяет только солнечный зайчик.

У подножья стали горы-громады.
Я к подножию щекой припадаю.
Но не выросла еще та ромашка,
На которой я себе погадаю.

ОНА УМЕЕТ ПРЕВРАЩАТЬСЯ

Смотри!
Полосатая кошка
На тумбе сидит, как матрёшка!
Но прыгнет – и ходит, как шука.
Рассердится – прямо гадюка!
Свернётся – покажется шапкой,
Растянется – выглядит тряпкой...
Похожа на всех понемножку.
А изредка – даже... на кошку!
Вероятно, труднее всего
Превратиться в себя самого.

Дымы Отечества

К о времени, когда выйдет этот номер журнала, пожары в нашей стране, даст Бог, уймутся, дымы рассеются и можно будет разглядеть, что же это такое было. А было, будем честны, то, чего не могло не быть. Да: аномальное лето; да: глобальное потепление... можно привести еще с десяток привычных объяснений типа «парникового эффекта» или «вредных выбросов в атмосферу», — и все это будет правдой, но не истиной.

Истина в том, что первопричина всех нестроений это мы сами. Люди стремительно мчат себя к гибели, словно им страсть как надоело жить. Одни делают это мгновенно и в рамках действительно одной жизни, другие — масштабно и протяженно во времени. Совершенно не думая при этом о возможных последствиях, что есть первейший признак интеллектуального вырождения. Ведь именно способность предвидеть, предугадать, просчитать, наконец, отличает человека от бессмысленной твари. Во всяком случае, должна отличать.

В погоне за наслаждениями, за остротой ощущений, за немедленным и безграничным удовлетворением личных хотений, за деньгами люди начинают терять подлинные жизненные ориентиры, им становятся чужды даже не просто благоразумие и осмотрительность, но сострадание, доброта, терпимость, любовь к окружающему их миру — все, что заповедал Господь. Люди уходят от Бога. Точно так, как уходят от Бога те же застройщики «новых Кадашей», без сожаления изглаживающие наше общее прошлое ради собственных барышей. Если чуть ли не у каждого кирпича нужно устанавливать камеру видеонаблюдения, чтобы его не украли, если возле пепелищ приходится выставлять заградотряды, чтобы ма-

родеры не растащили уцелевший скарб погорельцев, — куда мы все идем?

Вот уже семь лет, с 2003 года, как один из немногих оставшихся районов старой Москвы — Кадашевская слобода — стал своего рода символом, знаком борьбы нынешнего алчного и безжалостного времени с тихим и незащитным прошлым. В Кадашах интересы новой эпохи олицетворяют застройщики компании «Торгпродуктсервис». Им противостоят настоятель храма Воскресения Христова протоиерей Александр Салтыков и его единомышленники, инициативные, неравнодушные люди, которым дорого прошлое своей Родины.

После длительного и упорного сопротивления кадашевцев застройщик от первоначального замысла (монструозный проект «Пять столиц», который мог задавить все вокруг) отступился и предложил новое решение: маленькие дома в стиле Замоскворечья, которые, судя по макету, не нарушают архитектурной и исторической среды Кадашевской слободы.

Все бы ладно, к тому же новый проект еще только будет разрабатываться, но Его Величество Снос уже имеет место и, как бывает довольно часто, без законных на то оснований.

Чтобы лучше представить, какую Россию мы постепенно и безвозвратно

теряем, сделаем небольшое историческое отступление.

Сердцевина противостояния и предмет особой тревоги, Храм Воскресения в Кадашах был построен в 1695 году. Стиль — нарышкинское барокко; один из древнейших храмов столицы. Выстоял и в московском пожаре 1812 года, и в не менее лихое большевистское время. Окружающие застройщики образуют вместе с храмом единую городскую среду и, естественно, также представляют историко-архитектурную ценность. Это признанные памятники архитектуры, известные под названием Кадашевской слободы, одной из самых крупных и древних слобод Замоскворечья. Первое упоминание Кадашевской слободы относится к 1504 году, еще как «село Кадашево» в духовной грамоте Ивана III.

Историческая ценность абсолютна, эстетическая и актуальная — относительна. Нет спора, имеют право на существование и то, и другое. Но именно и то, и другое, а не другое за счет того. Скорее всего, не у всех вызовет вздохи восхищения фабричный корпус по 2-му Кадашевскому переулку, а между тем и он — еще один памятник исторического наследия, который находится на территории застройщика. Уйдет под снос — и вместе с ним уйдет зримая па-

Август 2010. Патриарх Кирилл в Дивееве. «О пречудный пророче Божий Илие! Избави вся грады и веси царства нашего от бездождия и глада...»

мать о том, что до революции здесь была колбасно-гастрономическая фабрика, которая обеспечивала своей продукцией не только Российскую Империю, но и Западную Европу. И не вспомнится, что ее владельцем был меценат, купец первой гильдии, основатель «Торгового дома Н.Г. Григорьев с сыновьями», сети гастрономических магазинов оптовой и розничной торговли.

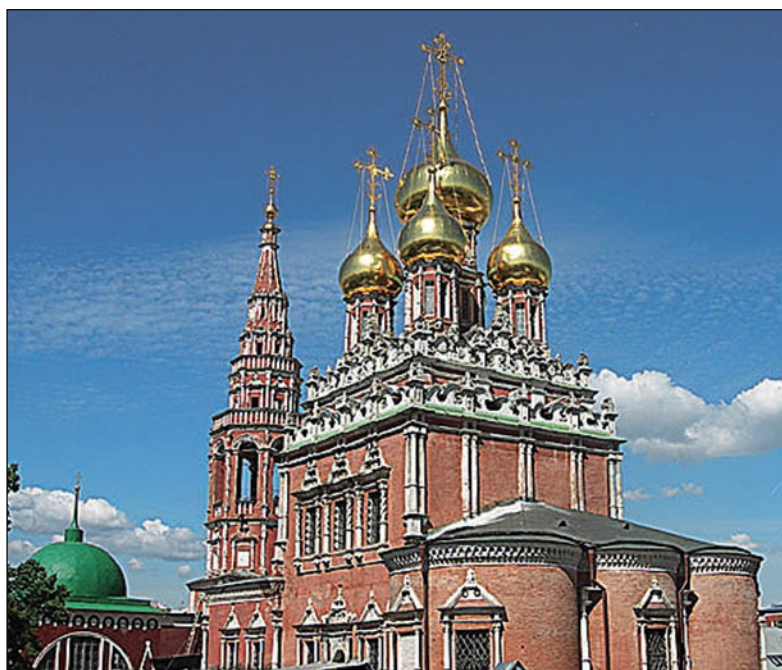
Николай Григорьевич занимался благотворительностью, для рабочих семей строил дома в слободе, помогал церквям и сиротским приютам. Один из богатейших людей Москвы, он скончался в 1923 году от голода. В 2000 году по благословию архиепископа Ярославского и Ростовского Михея причислен к лику местночтимых святых новомучеников – исповедников Российских. Так что неброский и несовременный корпус фабрики Григорьева – это, по сути, целая страница отечественной истории, обозначить которую вполне могла бы еще и соответствующая мемориальная доска. Но зданию, увы, грозит исчезновение...

За последние несколько лет строения подобного типа, то есть характерные для Замоскворечья XIX века, резко идут под снос, список их сократился в разы. И потому каждое оставшееся здание представляет повышенную ценность (например, фабрика «Красный Октябрь»). Эксперты разделяют эту точку зрения, тем более что сносить здание причин нет. Мировой опыт учит нас не разрушать исторические памятники архитектуры, а действовать в рамках общепринятой практики. Это значит, что практически любое историческое здание можно регенерировать и создать в нем пространство, или объем, в соответствии с новыми эксплуатационными требованиями. В европейских городах мы видим немало примеров того, как такие здания успешно преобразованы в галереи или офисы. Так, подобную участь вполне мог бы разделить и дом дьякона, построенный в 1813 году и принадлежавший московскому купцу Павлу Борисовичу Пирогову. В 1892-м купец завещал дом храму Воскресения Христова в Кадашах. Но сегодня дома нет: отстоять его

не удалось. Земля под домом дьякона (его стали так называть, поскольку в нем останавливалось духовенство) исторически принадлежала храму. Краевед, координатор движения «Архнадзор» Рустам Рахматуллин всегда подчеркивал значение передачи дома и земли церкви: «Речь идет о завещании, о некоем духовном обязательстве».

Да, предки оставляют нам не только письменные завещания. Не так давно, 30 июня, движение «Архнадзор», один из самых активных ревнителей прошлого, провело археологический субботник на территории застройщика. Были найдены старинные кирпичи с клеймом, осколки керамики XVII-XIX вв., аптекарские бутылки и печные изразцы XVII-XVIII вв. Обнаружился целый нетронутый археологический культурный слой, который еще предстоит изучить.

Следует особо отметить, что и самому Храму Воскресения Христова в Кадашах грозит опасность. Он стоит на заповедной земле, где запрещены любые строительные, а тем более землеройные работы. В этой болотистой

Храм в Кадашах: прежде и теперь...

части Замоскворечья это просто преступно. Здесь же подолгу работала тяжелая техника, стучали отбойные молотки, выкапывали котлован. У храма уже «поплыл» фундамент, и это сразу отразилось на куполе. Только отважное сопротивление защитников слободы и прихожан принуждало застройщика отступить.

9 августа 2010 года – событие в жизни Кадашей примечательное. В адрес храма Воскресения Христова пришел ответ из Москомархконтроля. Вот его текст:

«Контрольный комитет пришел к следующим выводам:

– осуществление строительства на рассматриваемой территории является преждевременным до разработки и утверждения границ территорий смежных объектов культурного наследия (ансамбля «Комплекс храма Воскресения Христова в Кадашах», ансамбля «Городская усадьба С.М. Макарова, С.Н. Курдюмова – Н.Г. Григорьева, XVIII в., кон. XIX в.» (2 Кадашевский, д. 3., стр.1), «Палаты, нач. XVII-XVIII вв.» (ул. Б. Ордынка, д.14 стр 18), а также до утверждения Правительством Москвы градостроительных регламентов и режимов использования земель.

– земельный участок, предоставленный Застройщику для строительства,

...И те, кто не дает разорвать связь времен

должен быть уменьшен, поскольку он не должен включать в себя объекты недвижимости, не принадлежащие Застройщику, а также территории, имеющие признаки территорий указанных объектов культурного наследия.

– снос имеющихся строений должен быть приостановлен, в связи с чем Москомнаследию рекомендовано выдать соответствующее предписание, а Застройщику воздержаться от проведения этих работ.

– после принятия указанных решений Застройщику рекомендовано обратиться за новым разрешением на строительство на откорректированном земельном участке; параметры возможного строительства должны определяться вновь утвержденными градостроительными регламентами».

Верим, что отцу Александру и всем, кто так самоотверженно боролся за сохранение Кадашевской слободы, удалось, наконец, одержать победу. Редакция журнала от всего сердца желает батюшке и его прихожанам здоровья и помощи Божией.

...Возможно, теперь и в самом деле зальют торфяники, и они перестанут ежегодно досаждать нам. Но ведь это мы, люди, сами осушили болота, насильственно изменив богозданный облик Подмосковья.

А четыре из каждых пяти лесных пожаров дело наших рук – это как? А залив Кара-Богаз-Гол, Аральское море – кто погубил? К счастью, не успели повернуть северные реки и окончательно замелиорировать Белоруссию. Так удивляться ли, что в Бразилии летом выпадает снег, а со дна Мексиканского залива вырывается нефтяной фонтан? Природа, как может, старается сохранить равновесие, тот же температурный баланс, ну а где-то просто жестко сопротивляется насилию. Но надолго ли хватит у нее иммунитета противостоять обезумевшему человечеству? Сколько еще испытывать терпение Господне? Может быть, все-таки пора внять призыву Иоанна Предтечи: «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» (Мф. 3, 2)?

Фото сайта Милосердие.ру

Елена Литвяк

Дневник мамы

Окончание. Начало в № 4 (73)

17 апреля, нам 48 дней

Целый день возле люльки

Девочка наша засыпать совсем не желает, прерывает бодрствование только, чтобы поесть. От нее не отойти – жалобно кричит, призывая. А стоишь рядом – молчит и во все глаза смотрит. Вот и приходится стоять рядом, петь или читать книжки. А домашние дела напрочь заброшены.

20-23 апреля, нам 51-54 дня

Страстная неделя
и Пасха Христова

Когда родилась Анна, конечно, не стало никакого времени на молитвенное правило – ни утром, ни вечером. Сквозь сон и усталость всплывало во мне только самое памятное – *Отче наш... Царю Небесный... Богородице Дево, радуйся... Верую...* да еще Пасхальные песнопения, особенно часто – днем, за кормлением дочки, когда хоть как-то уже начинаешь соображать. А утром и вечером никаких сил нет... И еще жила молитва обо всех, кого любило, своими словами. Мне казалось этого мало, и я очень переживала... Прошел месяц. Как-то, укачивая Анну, прочла у Сергея Фуделя¹, как однажды ночью он молился в пустой, без икон, комнате многоэтажки в московском спальном районе, где, конечно, не было храма. Подошел к окну и молился Небу. И так это

¹ Фудель С.И. Собр. соч.: в 3 т. Т.1. У стен Церкви. М.: Русский путь, 2001.

было ему легко... Что это точно так, я теперь знаю. В часы долгих укачиваний Анны, в ее непонятной боли и криках, молитва изливается сама собой. Чувствуешь себя почти так же, как в храме – стоишь перед Богом. Даже колыбельные потихоньку сами собой перетекают в молитвы. И незаметно мы втянулись – и я, и дочка. Очень часто теперь утренние молитвы я с радостью прочитываю на балконе, когда приношу туда детку для первой утренней прогулки-сна. Таким же образом мы читаем с ней Евангелие или Псалтирь. Малышка мирно и скоро засыпает, а моя душа просто-таки ликует, нашедши такое неожиданное разрешение противоречия. И силы откуда-то взялись... Впрочем, я точно знаю – откуда.

Как-то даже и не было никаких сомнений у нас с Андрюшей – брать или не брать с собой Нюту в Пасхальную ночь в храм. Конечно, брать! ...*Пустите детей приходить ко Мне...* (Мк. 10,14). Вот мы и пошли, взявши с собой коляску. И Нюта очень радовалась, совершенно не хотела спать, все глядела кругом и удивлялась. Конечно, и устала тоже, ведь ежедневный режим жизни вдруг изменился. И поплакала немножко от усталости. А кушала прямо в храме, совершенно спокойно и с аппетитом. А как к Чаше подходить – уснула крепко, так ее, спящую, батюшка и причастил, нежно и аккуратно.

После Пасхальной Литургии мир всегда совершенно другой – чистый, святой. Идем домой по спящей в глухой ночи улице, на небе сияют звезды, скоро утро. Нюта дремлет в коляске, просыпается дома лишь для того, чтобы поесть, и снова засыпает глубоко, часов до десяти утра начавшегося Светлого Христова Воскресения.

26 апреля, нам 57 дней

Когда папа поет песню

Когда папа поет песню, Нюта затихает и слушает. Папа у нас знает великое множество песен. Из всего богатства я выбираю протяжные народные или красивые, грустные романсы. А папа еще добавляет от себя бравурные советские марши. Видимо, чтобы по контрасту лучше воспринималось. Нюта переводит глаза с мамы на папу и наслаждается. Особенно ей нравится, если мы поем вместе. Тогда полагается нам наград – сияющая улыбка.

28 апреля, нам 59 дней

Вечером

Вечером, когда все в доме готовится ко сну, бывает и у нас торжественно и тихо. Вымытая, накормленная Анна мирно лежит в пеленках в полутемной комнате рядом с любимым книжным шкафом и, в который раз, неотрывно на него смотрит. Круг от настольной лампы освещает ее серьезное лицо. Она думает. О чем, интересно?

И я думаю, на нее глядя, как диковинно сотворен человек. Вот всего месяц ей, а она уже может быть совершенно отдельна от меня и довольно долго. Может уходить в свои глубины, где живут недоступные мне младенческие мысли. И может, когда захочет, перекидывать мостик и возвращаться из своих одиноких мечтаний ко мне, в тепло объятий и сытость. Зависимость и независимость детства от мира взрослых. А еще говорят, будто ребенок – чистая доска, пиши, что хочешь. Нет, неправда. Может быть, он – дом, полный разных диковин, в который не всякому и войти-то можно?

Мама Лена, папа Андрей и, конечно, я!

И это я!

3 мая, нам 64 дня

Может быть, это старомодно...

Может быть, это старомодно, но нам казалось значительно и прекрасно – посадить возле крылечка деревцо, Анино дерево – тоненькую сирень. Пусть растет вместе с дочкой. Также, наверное, старомодно – дарить книги с надписями на форзаце по случаю рождения. Но нам нравится искать теплые слова и сохранять их на память. Подрастет девочка, возьмет в руки книжки – и пусть согрется ее душа любовью писавших ей и даривших. Без любви ведь не вырастешь...

18 мая, нам 79 дней

Стирка в четверг

Стирала и сушила белье на солнышке. Почему-то, когда вижу развешанное на длинной, через весь двор, веревке белье – детское и взрослое, всегда хочется это сфотографировать. Странное желание еще с юношеских, «путешественных» лет – в альбомах полно таких фотографий из разных мест. Может быть, оттого, что кажется, будто в этих картинках заключена сама квинтэссенция жизни – простой и доброй. Кажется, что в таком доме должна жить счастливая и дружная семья, которой нечего стыдиться своей бедной стираной одежды. Благодаренье Богу светится в этих пеленках, трепещущих на ветру, как флаги.

25 июня, нам 117 дней

Радуга

Опять невероятная жара – земля трескается, покрываясь глубокими морщинами, жадно впитывает влагу по вечерам, когда

таскаем воду в лейке на огород, и ждет дождика. Нюся измаялась от жары, громко плачет, но зато здорово загорела, такая румяная, смугленькая. Прячу ее в тень под яблоню, она жадно пьет воду из бутылочки, притом держит ее сама обеими руками!

И, наконец, вечером, милость Божия – дождик. Льет потоком с крыши, у крыльца – настоящий водопад и огромная лужа. Нюся зачарованно смотрит на это нашествие воды. Сразу сильно запахло жасмином, стало легче жить. Но главная радость была еще впереди. Сквозь ливень сияло солнце, и через несколько минут небеса украсились радугой, огромной, яркой, в полнеба, как рисуют в детских книжках. Это первая Нютина радуга.

5 июля, нам 127 дней

Грустные мысли

Плохо, стыдно, противно... Чувствуешь себя, как в детстве, когда вытворяли что-нибудь недостойное. Раньше мечталось: будет вокруг меня куча детишек, сколько всего мы с ними сделаем... И Господь даровал мне материнство. А я совершенно забыла о трудах по возделыванию сада, забыла о колочках и сорняках, размечтавшись о будущих розах. Позабыла, что требуется в этом деле бесконечная сила сердца и неистощимое терпение.

Наверное, прорываются зубки, дитя плачет и днем и ночью. Мама, уставши за день, валится с ног, разжимаются руки, держащие детку в объятьях. Вот-вот вынырнет у спящей на ходу мамаша. А дитя все плачет, уже не надрывно, а так, стонет на высоких нотах, не переставая. И мама сердится, негодует, велит замолчать. Ни капельки тепла и любви, даже

простого мужества, чтоб потерпеть, – нету. А как же, если бы деток было несколько? Терпи, мам, терпи. Перемелется, мука будет, так, кажется, говорили мудрые люди.

3 сентября, нам 188 дней

Под колокольней

Под колокольней у нас в храме – детское место. Точнее, материнский клуб и детская площадка одновременно. Под лестницей на колокольню стоит скамеечка, где всегда во время службы одна-две мамочки кормят своих младенцев. Здесь же обмениваются материнскими советами и новостями. Сюда спасаются бегством с вопящими голодными или уставшими малышами, чтобы не мешать молиться остальным. Здесь к концу Литургии скапливаются ребятишки постарше, в ожидании Причастия. Здесь робко стоят праздно зашедшие или только начинающие свой путь в Церкви взрослые.

22 сентября, нам 207 дней

Нежный лепет

Потоки нечленораздельных звуков сменились отчетливым, повторяющимся лепетом. «Пя-пя», «ди-ди», «ав» и «брр» украшают наше общение. В минуты особенного восторга дочка ухватывает язычок губами, выпускает пузыри, и вместе с ними вылетает «брр». Все чаще и чаще Анна поворачивает голову, когда кликаешь ее по имени.

23 сентября, нам 208 дней

Снова под колокольней

Открывшиеся новые возможности «говорения» и непрерывное ликующее пение

Ой! А это – кто?

Так оно безопасней

снова загнали нас в воскресенье под колокольню. Иначе людям в храме совершенно невозможно молиться. Особенно Нюся оживляется, когда звучит Евангелие или Апостол, и ликующий лепет прямо-таки врывается в благоговейную тишину храма. А может, мне это так от стыда кажется? Мне-то хочется, чтоб детка была тиха и благочестива, чтоб можно было петь с хором, и вот Господь врачует родительское тщеславие. Краснея, мама пытается усовестить дочку, а она поет еще громче. Мама сердится и выбегает из храма под колокольню. Дочка затихает и смотрит на маму с недоумением. Так и гуляем почти до самого Причастия.

Когда-то давно, еще до замужества, я особенно любила наблюдать маленьких деток в храме, которых у нас очень много. И никогда не могла удержаться от осуждения нерадивых родителей, которые сами молятся, а за детьми не смотрят. Маленькие плачут, кто побольше – шумят или бегают по храму. Думалось тогда: «Вот у меня бы ни за что так не было!» «И вот у меня – так. Дитя мое тоже верещит и мешает молиться. Конечно, всем нам надо учиться смирению и любви, но все-таки храм – дом тишины. И вот приходится учиться сосредоточенной молитве под колокольней, а то и на улице – гулять с деткой на руках, а душой быть в храме, напевать ей на ушко службу в надежде, что скоро утихомирится, и мы снова войдем под святые своды и постоим тихонько. Учиться никого никогда не осуждать, хотя это ох как непросто грешному человеку...

7 октября, нам 222 дня
«Нельзя» и «хочется»

Встретились, наконец, два серьезных противника – «нельзя» и «хочется». Всего семь месяцев человеку, а и ему, оказывается, уже приходится воевать с собственной натурой. На окнах возле нашей кровати новые, очень приятные на ощупь шелковистые занавески. Это Анна уже давно поняла, потерев их неоднократно. Но силушки-то в руках прибавилось, и занавески трещат, грозя оторваться. Вот и возникло «нельзя». А ведь «хочется», интересно, весело! И Анна стремительно перемещается по кровати, вначале по-пластунски, потом на четвереньках. Хватя! Вот она, занавеска! А мама говорит строгим голосом: «Нельзя!» Нюся останавливается в нерешительности. И опять движется вперед. Ведь «хочется»! Но и папа говорит: «Нельзя!» Нюся оглядывается на родителей еще и еще. Наверное, это значит: «Ну, пожалуйста!» Нет, нельзя! Вот тебе всякие тряпочки, шнурочки, деревяшки – шупай и дергай на здоровье, а занавески оставь в покое. Нюся отворачивается от окна и пол-

зет в нашу сторону. Папа с мамой ликуют. Они-то знают, как трудно одолеть себя, когда «хочется»!

24 октября, нам 239 дней
Любовь

Случайно встретила фразу: «Господь любит каждого больше всех». Вот это да! И ведь на самом деле так. А мы так любить не умеем. Вообще я очень долго думала, что любовь – это такое прекрасное, возвышенное состояние души, когда все тебе мило. А на самом деле... Оказывается, это действие, а не состояние, притом действие

Как прекрасен этот мир!..

часто совершенно обыкновенное, рутинное, ежедневное, чего я раньше никогда не понимала и не ценила.

Анна с Андрюшей потихоньку учат меня любить. Мыть тарелки без досады в сердце на бесконечную грязь и постоянную необходимость греть в печке воду, чтобы что-то отмыть или постирать. С легкостью вставать ночью и ласково кормить прожорливую дочку. Не ругаться на чем свет стоит, когда под напором дождя протекает ветхая крыша.

Как говорит батюшка в нашем храме, конечно, мы не святые, но давай попробуем жить так, как будто мы ими уже стали, – не раздражаться, не унывать, не перечить, а все самое обыкновенное, домашнее делать ради Христа.

Привычки прежней, бездетной жизни исчезают очень трудно. И главная из них – всецелая принадлежность себе: своим мыслям, чувствам, желаниям... Не искать в другом себя – вот задача-то!

17 января, нам 324 дня
Лекарство от уныния

Утро, день, вечер, ночь, утро, день, вечер, ночь. Закрутишься так, что и в окно некогда посмотреть. Вдруг кухня вся как-то светлеет – оказывается, там, на улице, солнце, которого уже два месяца не видали.

А вот другой маленький подарок, лекарство от уныния, которое часто нападает от суеты. Дочка стоит, опершись животиком на диван, и рассматривает книжку с картинками. Увлечлась, отстраняется от дивана, переворачивает странички и стоит, как ни в чем не бывало. «Ну и пусть себе стоит», – устало думает мама и собирается опять что-то там делать – стирать, гладить, готовить. Стоит?! Как стоит? Сама?! Сама! Ничего себе! Незаметно для нас прибавились еще силы в детке и вот – стоит, будто всегда так было. Мама ждет не дождет папу, чтобы сообщить счастливую новость. Какое там уныние!

12 февраля, нам 350 дней
Пошла!

Вот и дождалась. Теперь Анна не ползающий, а человек прямоходящий. И сама, наверное, удивляется, что может ходить, как папа и мама. Интересно, что с пустыми руками она пока ходит с трудом, а стоит дать что-нибудь в руки – топает гораздо увереннее и быстрее. Собственно и ходить она так научилась – пошли утром на кухню кашу варить, дала Анне в руки два маленьких пакетика с молоком, и она, забыв, что ходить еще не умеет, вдруг затопала следом. Я думала: ну, сделает пару шагов, как обычно, и шлепнется. А она все шла и шла, пока не испугалась собственных новых возможностей и присела на корточки.

Опять и опять, глядя на дочку, не устаешь удивляться, как нежно и вдохновенно лепит Господь человека. Как каждому в свой срок, ни раньше, ни позже, дает родиться, задыхать, поползти, пойти, сказать первое слово. И дальше, без конца, во всю жизнь ведет человека с любовью за руку. Только бы сам человек не вырывался и не убегал. Ну почему, почему нужно прожить уже такую длинную жизнь, надумать кучу ошибок, родить, наконец, дитя, чтобы это понять и обрадоваться? Глядя на вышагивающую детку, наверное, и самый самоуверенный человек не скажет – это я сделал. И куда девается это радостное смирение удивления, когда мы начинаем учить дитя мыслить, читать, писать? Почему в школьных буднях эти мысли возникают так редко? Ведь там не всё зависит от учителя, от метода, от ученика. Не всё. Помни об этом, помни.

Все фото из нашего семейного архива

Помощь погорельцам

Каким выдалось минувшее лето – лучше не вспоминать. Такой напасти Россия не испытывала, пожалуй, никогда. Республики Мордовия и Татарстан, Белгородская, Воронежская, Ивановская, Кировская, Московская, Нижегородская, Рязанская, Ульяновская, Владимирская, Липецкая, Тамбовская, Тульская области в прямом смысле прошли огненное горнило. Остались без крова, лишились всего своего имущества тысячи человек. Сколько понадобится времени, чтобы залечить раны, нанесенные стихией...

Государство выделило из федерального бюджета 5 миллиардов рублей для оказания материальной помощи гражданам, лишившимся жилья из-за лесных пожаров.

Распоряжением правительства Российской Федерации от 30 июля 2010 года № 1286-р предписано использовать эти средства на восстановление и строительство жилья для погорельцев, для оказания материальной помощи гражданам в связи с утратой ими имущества из расчета 100 тысяч рублей каждому гражданину, а также на восстановление инфраструктуры.

Для выплат единовременного пособия членам семей граждан, погибших (умерших) в результате лесных пожаров, предоставляется компенсация из расчета 1 миллион рублей на каждого погибшего (умершего).

Кроме того, этим же распоряжением рекомендовано органам исполнительной власти вышеуказанных субъектов Российской Федерации осуществить и дополнительные выплаты в связи с утратой имущества из расчета 100 тысяч рублей каждому гражданину.

В соответствии с постановлением Правительства Московской области от 21 июля 2010 года № 569/30 предусмотрена также единовременная материальная помощь нуждающимся неработающим пенсионерам, получающим трудовые пенсии по старости и по инвалидности в Московской области, попавшим из-за пожара в трудную жизненную ситуацию, требующую значительных денежных затрат и которую они не могут преодолеть самостоятельно.

К получателям единовременной материальной помощи относятся следующие категории неработающих пенсионеров: одинокие, одиноко проживающие, проживающие в семьях, состоящих из неработающих пенсионеров, проживающие в семьях, среднедушевой доход в которых ниже или равен величине прожиточного минимума, установленного на душу населения в

Московской области на дату рассмотрения заявления, и оказавшиеся в трудной жизненной ситуации.

Предполагаемый средний размер единовременной материальной помощи для них – 10 тысяч рублей, максимальный – 50 тысяч рублей.

В целях первоочередного обеспечения пострадавшего населения жильем направлены денежные средства на строительство жилых домов из расчета по 2 миллиона рублей на само домостроение и 1 миллион – на прилегающую к дому инфраструктуру.

При этом отмечается, что новое жилье должно отвечать самым высоким требованиям качества. И каждой пострадавшей семье предполагается отстроить новый отдельный дом. Так что к ноябрю 2010 года вместо сгоревших в результате лесных пожаров домов планируется построить настоящие деревни XXI века.

Зная российскую, мягко говоря, бюрократическую специфику, руководство страны обратило особое внимание всех без исключения глав администра-

тивных образований на необходимость максимально упростить для граждан процедуры получения ими материальной помощи, оформления прав собственности и прочих формальностей.

Обо всех случаях проволочек, необоснованных отказов, а то и прямого или скрытого вымогательства со стороны чиновников следует немедленно информировать вышестоящие инстанции. Только настойчивостью, принципиальностью, твердостью можно укротить аппетиты бесчестных людей, пытающихся погреть руки над огнем чужой беды.

Однако справедливости ради следует сказать вот еще о чем. Помощь помощью, но от нас самих, как принято говорить, рядовых граждан, тоже зависит немало. Речь идет о культуре нашего поведения, о нашем отношении к природе. Ведь даже в это безумное лето, когда кругом все полыхало, многие не отказывали себе в удовольствии выехать на пикничок, запустить в небо петарду, после чего нередко возникали новые очаги огня. Не слишком ли мы привыкли не отказывать себе даже в малом, ни в чем не ограничивать себя? Хочется верить: жаркие уроки прошедшего лета охладят иные умы.

*Оксана Травина,
консультант «Лампады»
в вопросах права, адвокат,
кандидат юридических наук*

Синодальный отдел по церковной благотворительности и социальному служению Русской Православной Церкви организовал сбор помощи для пострадавших от пожаров. По благословению председателя отдела архимандрита Пантелеимона (Шатова), создан штаб для координации помощи погорельцам. Работа идет круглосуточно.

Ежедневно Синодальный отдел отправляет машины с продуктами и вещами в регионы, которые сильнее всего пострадали от пожаров – Липецкую, Нижегородскую, Владимирскую, Рязанскую, Воронежскую и Московскую области. За рулем большинства машин добровольцы. Объем помощи исчисляется десятками тонн. В отдел ежедневно приходят до 500 человек с различными посылками. Около двухсот остаются, чтобы помочь на сортировке и погрузке. В первые же недели было собрано столько всего, что пришлось даже приостановить прием одежды. Зато не снижался спрос на средства, необходимые при работе на пожаре: шланги, топоры, брезентовая спецодежда. Всегда нужны вода, продукты питания (крупы, макароны, консервы), средства личной гигиены и медикаменты.

В Синодальном отделе работает круглосуточный многоканальный телефон – (495)542-00-00 и (495)542-00-00, по которому можно получить информацию по всем вопросам помощи пострадавшим и перечень необходимых вещей.

Реквизиты Синодального отдела, по которым можно перевести пожертвования для погорельцев, опубликованы на официальном сайте отдела – www.diasonia.ru Адрес Синодального отдела по церковной благотворительности и социальному служению РПЦ: 109004 г. Москва, ул.Николаямская, д. 57, стр. 7.

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАЧЕМ ИСПОВЕДОВАТЬСЯ, ЕСЛИ ВНОВЬ ГРЕШИШЬ?

Протоиерей Валериан Кречетов
Самое главное – осознать себя грешным 2

Лариса Беляева
Анкета «Лампады».
Скажите, пожалуйста 4

Елена Камбурова – Павел Демидов
Покаяние – стержень духовной жизни 6

ЦЕРКОВЬ НЕБЕСНАЯ

*Архмандрит Дамаскин (Орловский) –
Павел Демидов*
Святыми становятся на земле 11

ЦЕРКОВЬ ЗЕМНАЯ

Руслан Армеев
По следам святителя Тихона 14

Лариса Беляева
Дела и люди нашего прихода.
Агапы по четвергам 16

ПРАВОСЛАВИЕ БЕЗ ГРАНИЦ

Елена Польстер
Золото креста над Коста-Рикой 20

СТРАНА СЛОВ

Виктор Лихоносов – Дмитрий Шеваров
Так нужны щемящие строки, абзацы, страницы 22

Виктор Лихоносов
В дороге 24

СТРАНА КРАСОК

Дмитрий Шеваров
Жданочка из Сергówki 26

ЛАМПАДКА

Новелла Матвеева
Читаем вместе
Стихотворения 30

МИР ВОКРУГ НАС

Екатерина Гончарова
Блюдайте убо, како опасно ходите.
Дымы Отечества 32

Елена Литвяк
Дневник мамы (окончание) 35

Оксана Травина. Право и долг.
Помощь погорельцам 38

ПОДПИШИТЕСЬ НА «ЛАМПАДУ» 40

Храм иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине

Настоятель
протоиерей Георгий Полозов
Главный редактор
Павел Демидов
Верстка И.В. Бухаровой
Корректор Т.В. Глазкова
Обложка: Новодевичий
Смоленской иконы Пречистой
Богородицы женский монастырь.
Фото В.Ходакова
Рисунки Киры Скрипниченко

Адрес редакции:
125414, г. Москва,
ул. Фестивальная, 77а

Телефоны: (495) 453-9101
8-926-105-1054

www.znamenie-hovrino.ru

Регистрационный номер А-0275
Выход в свет 10.07.2010
Цена свободная

Издается на добровольные пожертвования

Приход храма иконы Божией
Матери «Знамение» в Ховрине,
город Москва.
Тверское ОСБ 7982/1653 г. Москвы
Сбербанк России г. Москвы
ИНН 7712050269
р/с 40703810938080100250
БИК 044525225
к/с 3010181040000000225
КПП 774301001

Отпечатано в ордена Трудового
Красного Знамени
типографии им. Скворцова-
Степанова
ФГУП Издательство «Известия»
Управления делами Президента РФ

Генеральный директор
Э.А. Галумов

127994, ГСП-4, г. Москва, К-6,
Пушкинская пл., 5

Контактные телефоны: 694-3636,
694-3020

e-mail: izd.izv@ru.net

Тираж 1200 экз. Заказ № 0458
© Лампада 2010

ПОДПИШИТЕСЬ НА НАШ ЖУРНАЛ

ЛАМПАДА

Журнал для тех, кто стремится к Истине

ИЗДАНИЕ ХРАМА
ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ЗНАМЕНИЕ» В ХОВРИНЕ

www.znamenie-hovrino.ru

Рекомендовано Синодальным информационным отделом Московского Патриархата

Вы можете выписать журнал
«ЛАМПАДА»
в любом отделении связи

Можно подписаться и непосредственно в редакции. «Лампада» продается в церковных лавках московских храмов

Подписной индекс в Объединенном каталоге
«Пресса России» – 43570

Подписной индекс в Каталоге «Почта России» – 16594

Журнал также можно купить или подписаться на него с помощью

Издательского дома «Димитрий и Евдокия»

телефоны: 8-916-150-1140
(495) 676-5720
(495) 410-2194

ДОРОГИЕ ПОДПИСЧИКИ, ЧИТАТЕЛИ «ЛАМПАДЫ»!

В предыдущих номерах мы обратились к вам с просьбой найти время и возможность ответить на два вопроса:

1. Откуда вы узнали о журнале? (Варианты ответа: а) посоветовали знакомые; б) попался на глаза в нашем храме; в) из рекламы).

2. Что было главным при решении подписаться на журнал? (Варианты ответа: а) содержание; б) внешний вид; в) цена; г) всё вместе).

Ответить можно любым способом: по телефону 451-6721 или SMS: 8-926-105-1054; e-mail: ppdemidov@mail.ru; обычной почтой.

Мы не можем похвалиться тем, что на нас обрушился шквал звонков и писем. Однако и вниманием нас все же не обошли, за что низкий поклон нашим корреспондентам.

Вот несколько строк из письма Марины Геннадьевны Варламовой (пос. Дубровка Оренбургской области): «Все отмечают искренность вашего издания. Теперь буду выписывать всегда и ваш теплый журнал. Желаем вам почаще издаваться и оставаться такими же близкими к простому русскому человеку. Храни вас Господь».

К Инне Николаевне Дружининой из Калининградского Светлогорска журнал попал случайно (хотя мы знаем, что ничего случайного не бывает). «А журнал «Лампада» я прочитанные номера отдаю в свой Храм в Светлогорске. И мне очень нравится, и я читаю с большой радостью».

Откликнулись на наше обращение Владимир Петрович Семикашев из поселка Заокский Тульской области и Александр Васильевич (назвался читателем из сибирской глубинки), сказали немало доброго о «Лампаде» и, что для нас самая высокая оценка, стали подписчиками журнала.

Всем вам, большое спасибо, дорогие наши читатели и почитатели! С Божией помощью нам, надеемся, удастся не разочаровать вас.

Русская Православная Церковь

Храм иконы Божией Матери
«Знамение» в Ховрине

№ 5 (74) 2010

ЛАМПАДА

ЖУРНАЛ ДЛЯ ТЕХ, КТО СТРЕМИТСЯ К ИСТИНЕ

Тема номера:
**ЗАЧЕМ ИСПОВЕДОВАТЬСЯ,
ЕСЛИ ВНОВЬ ГРЕШИШЬ?**

- Там, где побывал Святитель
- Aragon Rodrigo, в крещении Родион...
- Время страстей человеческих